

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

И.М.Казанский

Золотая карта

Илдус Казанский
Золотая карта

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Казанский И. М.

Золотая карта / И. М. Казанский — «ЛитРес: Самиздат», 2005

ISBN 978-5-532-10813-4

Олег Свиридов в своем небольшом отрезке жизни проходит путь от мелкого вора-карманника до казначея воровского общака. Стремительному росту его карьеры в преступном мире помогла карта с участками золотых залежей в Колыме, из-за чего и разыгралась целая бойня. События в романе описывают конец восьмидесятых и начало двухтысячных годов. В романе много совпадений с реальностью. Не судите за это строго. На обложке фотография из архива автора. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-10813-4

© Казанский И. М., 2005
© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Глава I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глава I

Щипач

Организованный набор рабочих, или, как его коротко называли, «оргнабор», во времена расцвета социалистического строя пользовался колоссальным успехом. Люди, проявившие желание побродить в поисках счастья или ради романтики по необъятным просторам нашей страны за счет всемогущего, всеильного государства, не жалевшего средств на создание так называемых комитетов по оргнабору, могли легко осуществить это. А легкость заключалась в том, что достаточно было переступить порог этого заведения, выбрать по картотеке, соответственно профессии, приглянувшийся город и предприятие, нуждающиеся в рабочей силе, естественно, в рамках союза социалистических стран, и согласно добровольно написанному заявлению получить бесплатный железнодорожный билет до пункта назначения. И вот, представьте себе, приехал человек с одного конца СССР в другой, не тратя ни копейки на дорогу, и вдруг видит, что ему здесь не нравится. Бедолага отправляется снова вербоваться, но уже в «комитет» того города, в который прибыл. Некоторые умники умудряются даже прихватить подъемные с нового места работы, в размере двухмесячного оклада. Прокатился человек вдоль и поперек по Союзу таким образом – и ищи его, как ветра в поле. Остается только объявлять во всесоюзный розыск.

Олег Свиридов – парень лет двадцати трех, красивый, статный, в расцвете сил, не относился ни к скрывающимся алиментщикам, ни к безденежной шушере, которых было много в таких компаниях, а ехал сам по себе. Глядя со стороны на этого молодого человека, не просто было определить, что могло толкнуть его на вербовку, бросив родной город, насиженное место, отчий дом. Вообще-то без причин, если посудить разумно, никто не уезжает. Какого черта человек будет тащиться сломя голову на край света, если у него жизнь нормально течет? Что он там забыл? Ну, приедешь, устроишься, а работать-то надо, деньги на дороге не валяются. А почему их нельзя у себя в городе заработать? Вопросов множество, и, чтобы разобраться в этом, надо копнуть глубже. Один мудрец говорил: «Человек зол, завистлив на того, кто больше него знает, умеет, богаче». Всем хочется равноправия, но, с другой стороны, все тайно стараются быть на голову выше, чем остальные. Олегу Свиридову в детстве завидовать было некому: он среди своих сверстников, в самом деле, был на голову выше благодаря организаторским способностям и природной силушке, что позволило ему возглавить небольшую группировку из числа одноклассников и дворовых пацанов. Беззаботное время у человека когда? В детстве. Родители кормят, поят, одевают, денег на карманные расходы нет-нет да подбрасывают. Что еще надо для счастливого детства? А надо еще, чтобы тебя в округе знали, уважали, боялись и притом любили. Все эти прихоти и качества были подвластны Олегу Свиридову – юноше с характером, со своей точкой зрения на жизнь, разделяющим все человечество на две части – богатые и нищие. Иного, по его мнению, не было.

Выживать легче в стае, чем в одиночку, и, памятуя об этом, Олег со своими друзьями во многом преуспели. «В чем конкретно?» – заинтересуетесь вы. А в том, что обычно происходило во всех дворах: отнимали деньги, хорошие вещи у младших, били стекла строящихся и построенных домов на спор, кто метче попадет, травили животных, подшучивали над стариками. В общем, являлись прямой противоположностью героям Аркадия Гайдара. В переходном возрасте стали участвовать в уличных разборках, отстаивая честь двора перед другими группировками, и не безуспешно. Тем не менее, несмотря на хулиганистый характер, Олег окончил десятилетку без приводов в милицию, довольствуясь лишь домашними и школьными разборками. А по окончании школы дворовая группа постепенно распалась, пора было подумать о будущем. Олег знал: без высшего образования в наши дни не обойтись. Но терпения

на учебу у него могло хватить лишь года на три и, посоветовавшись с родителями, он решил начать с кооперативного техникума, куда успешно поступил, совмещая свободное от учебы время с привычными походами в городской тир дяди Васи, как любезно окрестили его дворовые пацаны. Дядя Вася, бывший вояка, отдавший двадцать пять лучших лет защите Родины, работал здесь с тех пор, когда Олег еще мальчишкой впервые посетил его заведение. И чем-то понравился хозяину тира этот малец: то ли своим упорством: не уходил, пока не свалит пять мишеней, то ли любовью к оружию, которое бережно перекладывал из одной руки в другую, изучая его загоревшимися глазами. «У тебя, Олег, талант стрелка, займись этим вплотную, – говорил ему дядя Вася в часы откровения. – Далеко можешь пойти, к тебе оружие само прилипает». Но для Олега это было просто любимым увлечением, от которого он получал большое удовольствие, как коллекционер, собирающий монеты всех времен. Учась в техникуме, Олег больших успехов не проявлял, болтаясь где-то между плохим и удовлетворительным, зато у дяди Васи валил с первых выстрелов все выставленные мишени, поражая тем самым посетителей, заглядывающихся на меткого стрелка. Но на слова хозяина тира неизменно отвечал:

– Спортом сыт не будешь, дядя Вася, надо искать место денежное.

– По-твоему, ты со своим кооперативным техникумом богатым станешь?

– А торгаши у нас всегда хорошо жили, везде о них только и говорят. Фельетоны о них, карикатуры о них, криминальные известия тоже о них, будто они воруют, а другие нет.

– Но смотри, не ошибись, парень, в своем выборе, – предупредил его дядя Вася, – легкие деньги к хорошему не приведут.

Доучиться в техникуме не удалось, хотя родители как-то по-своему старались отмазать сына от армии, подбрасывая военному всякие справки о плохом здоровье. Но врачи все же сочли его годным к военной службе, и призывная комиссия направила новобранца в погранвойска, к Монгольской границе, откуда, прослужив от звонка до звонка два года, он прибыл в родной город с боевыми значками на груди за отличную стрельбу. Здесь, закончив за два с небольшим года техникум, Олег отправился на отработку согласно знаниям и оценкам в один из районных центров области, но надолго его там не хватило и, договорившись в отделе кадров о досрочной отработке, он снова вернулся в любимый город. Мечты большинства людей сходятся к одному: как заработать больше денег и жить нормальной жизнью, имея все свое. У Олега своего ничего не было, и, проработав еще несколько месяцев в сфере торговли, он понял, что за короткие сроки здесь не разживешься – построенный им миф о торгашах лопнул, как мыльный пузырь. Что же дальше? Работать не хочется, в ментовку «западло», остается воровать, а как и что? Подвернулся Салих – щипач, освободившийся из мест заключения буквально пару месяцев назад. Он был старше Олега на три года, когда-то они вместе учились в одной школе, жили в одном дворе. Потом родители Салиха переехали, и ему пришлось ездить в школу из другого района. Вот по пути в школу и обратно он и стал приобщаться к тонкой профессии карманника, пока не схватили его за руку. След Салиха с тех пор затерялся. Прежде он дерзостью среди пацанов не отличался. Но теперь его было не узнать. Теперь он блатной уровень умел держать и читил понятия. Олег напросился сам «побегать» с ним, ради интереса, никто ему ничего не предлагал, но отказывать в просьбе тоже не стали. Как раз в это время в бригаде у Салиха не хватало одного, да и воровские понятия щипачей не позволяли отнекиваться от желающих обучиться тонкостям карманной профессии. Щипачи среди воров всегда ходили в авторитете из-за постоянного риска в их работе. Молока, правда, за вредность выписывать им никто не собирался, и приходилось трудиться, не обращая внимания на здоровье. Олег до этого о карманниках знал только по рассказам дворовых пацанов и в детали не вникал, а тут, увидев своими глазами, как Салих ловко перебирает в дамских сумках, пакетах содержимое в поисках кошелька, был просто ошарашен. Кража была так построена, что, зная психологию человека, находящегося в общественном транспорте, щипачи всегда рассчитывали на удачу, особенно когда работали втроем. Сам Салих набеги в одиночку не перева-

ривал, отдавая предпочтение групповым. Преимущество работы втроем заключалось в уменьшении степени риска, так как в одиночку можно засветиться в любой момент. А тут милое дело, вору, пока на след не напали «гончие». В основном промысел велся у выхода, близ подножки автобуса или трамвая, где скапливалась большая часть будущих жертв, не желающих пробиться внутрь салона из-за предстоящих проблем с выходом, что намного облегчало положение щипачей, использующих каждую секунду, чтобы завладеть «шмелью». Давайте разберемся детально в этом «мероприятии», может, кому в жизни оно послужит наперед уроком. Начинается все с того, что один из группы, обычно новичок или малоопытный, предварительно определив жертву, сзади припирает ее ближе к выходу. Там второй, устроившись перед ней, прикрывает локтем так, чтобы она не смогла, наклонившись, увидеть свою сумку или пакет. А если «вояж» снизу, на весу, старается оставить его между ног, третий же, повернувшись лицом к двери, во избежание попадания на глаза жертвы, стоя внизу подножки, оказавшись тем самым на уровне сумки или пакета, просовывает руку в сумку и перетряхивает содержимое. Если «вояж» оказывается труднодоступным, то используется специальное лезвие, предварительно сломанное пополам и обмотанное изолентой, именуемое в жаргоне «шпагой». Вся эта операция, если щипачи опытные, занимает считанные секунды. «Граждане, будьте осторожны при выходе, не забывайте свои вещи», – эти слова, объявляемые водителями вагонов общественного транспорта, повторяются не раз и придуманы со смыслом. Вникните в них и делайте соответствующие выводы, берегите свои кошельки, не забывайте о них.

Поначалу Олег от всей этой процедуры был шокирован и приятно удивлен тем, как «щипачи» так ловко орудовали, что дамочки даже не подозревали о творящемся в их сумочках, но постепенно натаскался и вошел в «колею». Работали всегда с женщинами, но ни в коем случае не трогали беременных, женщин с детьми и старух в почтенном возрасте. У последних все равно взять было нечего. Таково было правило предводителя группы Салиха. Хватало и остальных зевак. Напарники у Олега были опытными, имели за это дело не одну «ходку» и по статусу ему отводилось место в основном на верху подножки, не дававшим тем самым попробовать выгащить «шмель» самостоятельно. Как ученику, от содержимого «шмеля» ему передавало меньше, чем остальным: ошибок много допускал, но старался.

Со временем команда распалась. Один за пьяную драку получил срок, второй нашел более опытную команду и подался на гастроли, и Олегу оставалось только рассчитывать на себя. Первые гастроли на вершину познания полученных навыков начались в городе-герое Волгограде. Из старых друзей сколотил он группу по проекту Салиха и стал шустрить по сценарию, придуманному «щипачами». Напарники были «не тертые», дуб-дубом в этом деле, но соблазн легкой наживы одержал верх, и основная тяжесть по выемке «шмеля» легла на основателя затеи. Сначала мандражил, однажды вместо «шмеля» выгащил мини-сумочку от косметики, смахивающую на кошелек, но постепенно мандраж исчез, и были уже более приличные уловы, тратящиеся по назначению: на кабаки и на девочек.

Конечно, из-за неопытности он несколько раз засветился, хотя часто менял одежду, и местные «казаки» устроили за ними охоту. В конце второй недели гастролей стало ясно, что продолжать дело небезопасно, и, купив билет на самолет, Олег решил вернуться в свой город. В аэропорту, куда он приехал пораньше, его заметили местные «пинкертоны» и якобы для проверки документов завели в отделение. Ничего особенного там ему не предъявили, выписали данные из паспорта и задали пару вопросов, но по дороге в отделение он все же умудрился незаметно скинуть коробку спичек, в которой была припрятана «шпага» – орудие труда «щипача».

Скорей всего, его взяли по имеющемуся у волгоградских «казаков» фотороботу, составленному по описанию пострадавших. По всей вероятности, из-за неосторожности он не смог спрятать свою наглую морду. Но, как бы там ни было, добрался домой он благополучно.

Денег, как всегда, катастрофически не хватало, да вдобавок он стал понемногу «ширяться». Оставалось одно – побегать в одиночку. Удача ему улыбнулась, и он выудил несколько раз «жирные шмели». По части краж он был еще сосунок, но интуиция по части опасности у него была. Если лицо несколько раз промелькнуло перед глазами, то этого было достаточно, чтобы сделать определенный вывод. И на этот раз «гончих псов», как называли оперов по карманникам в его кругах, он заметил сразу, и стало ясно, что пора сниматься. Его водили целый день, видно, знали уже маршруты, но он ничего не предпринимал, даже не подал признаков кражи, а в конце дня забурился в одну общагу к знакомой девушке и там остался. Опера пригнали машину и сторожили неподалеку от входа часов пять, потом почему-то исчезли. Через пару дней, выбрав другой маршрут, он восстановил работу. Народу в автобусе было битком, он, протиснувшись к подножке, стал шарить по сторонам, и уже через минуту, орудуя кончиками пальцев, вытащил «шмель» у дамы, стоящей у подножки. Лица ее он не заметил, так как стоял к ней спиной, но плащ сиреневого цвета почему-то запомнился. Выскочив на остановке, он направился вглубь дворов и, зайдя в ближайший подъезд, спотрошил содержимое, составлявшее всего-то семь рублей. С обидой вышвырнув «шмель» в мусорный ящик, он отправился обратно на ту же остановку. Обычно такого никто из мало-мальски натасканных «щипачей» не делал, потому как знали, что потерпевшие всегда могли вернуться. Знал об этом и Олег, но из-за содержимого кошелька так расстроился, что думал: все обойдется и вряд ли за такую сумму кто-то станет мотаться туда-сюда. Уже подойдя к остановке, он понял, что ошибся в своих выводах. Женщина в сиреновом плаще быстро направилась в его сторону:

– Молодой человек, вы сейчас не выходили на этой остановке? – и, не дождавшись ответа, сразу схватилась за сумку Олега, которую он всегда носил с собой, чтобы прикрывать работающую руку. – Откройте и покажите мне сумку!

– Женщина, я только что подошел, – успел сказать Олег, но она, вся зареванная и возбужденная, не стала ждать объяснений и требовательно заглянула в открытую им сумку.

– Ах, сволочи, только что украли кошелек, и парень был в такой вот куртке, – продолжала она со слезами, – выходил именно здесь. У меня это были последние деньги, а до зарплаты еще долго, не знаю даже, что делать. Грабили бы миллионы, чем наши кровные тащить, мерзавцы, будь они прокляты! – последние слова Олег услышал, когда уже запрыгнул в подоспевший автобус, и чем дальше он увозил его от той женщины, тем сквернее становилось на душе. Прежде он не видел пострадавших, что там с ними происходило, что они делали, – это его не волновало. А тут вроде мелочь, но так убиваться из-за этого! Все после такого случая словно перевернулось у него, он места себе не находил, мысленно возвращаясь к происшедшему.

«Хватит, баста, это не для меня! Риск попасть в тюрьму в каждую секунду, вдобавок людские проклятия! Надо заняться чем-то более стоящим, чем по карманам мелочь удить». С этими мыслями он и не заметил, как оказался у доски объявлений. Долго смотрел, потом стал внимательно читать: «Красноярский край. Лесосибирск. Требуются рабочие». Проезд оплачивается, выдаются подъемные. А что, можно ехать! Что меня здесь держит? Абсолютно ничего. Уеду, и будет лучше для всех.

Так Олег Свиридов в поисках новой жизни и новых приключений оказался в поезде, следовавшем в край чудес – Сибирь.

Сибирь раньше для народов России была местом каторги, изгнаний и ссылок, добровольно ехать туда осмеливались только те, кому терять было нечего, либо прячась от царской расправы, либо такие, как жены декабристов, следовавшие за мужьями, за близкими. Может, так, а может, эдак, но нам толковали именно так.

Позднее, когда в светлый путь нас направляли коммунистические вожди, то ехали уже на заработки, за большими деньгами, и всем романтикам хотелось покорить Сибирь, сообразуясь со своими материальными интересами.

В плацкартный вагон, где устроился Олег, кроме него, забилось еще двенадцать человек с «оргнабора», желающих прокатиться на заработки за счет государства. Знакомство бывает крепким, если начинается с бутылки «Русской», без этого у нас не происходит ни одно знаменательное событие, ни одни посиделки. Так уж заведено испокон веков. Систему могут переменить, страну могут направлять по разным путям, но пьянство не осилить. Попробовал кое-кто сделать это на практике, ввел сухой закон, так еще сильнее разыгралась буря, в ход пошли все средства, пригодные к употреблению, несмотря на плачевные исходы. Такова душа российская, раздольная, ничем не прошибешь, ничем не уймешь.

«А душа раздолья просит, жизнь беззаботная.

Эх, гуляй-гуляй, парнишка, ждет дорога дальняя.

Не сидится нам на месте и на все нам наплевать.

Нету счастья, нету жизни, если будешь кочевать», – затянул по вагону зычный хриплый голос под гитару.

– Хорошо вытягивает, тоже с нами, что ли? – разливая очередную поллитровку по стаканам, спросил Олег у своего нового знакомого по имени Федька, а по «погоняле» Фан, устроившегося по соседству на нижней полке и охотно согласившегося на предложение промочить горло прихваченным про запас с собой на дорожку, чтобы скоротать время.

– А тут, в двух последних купе, все такие, как мы с тобой. Нам только двоим не хватило места среди них, потому и дали третье купе. Нынче все в Сибирь намылились, не сидится никому дома.

– Ну, а ты чего попер?

– Я совсем другое дело, Олег. У меня жизнь на этих дорогах повязана – как в малолетку ушел со школы, так и покотился.

– А в малолетку-то за что загремел? – поинтересовался Олег, чтобы углубить тему для большего знакомства с Фаном, с виду неприметным, невысоким, смуглым парнем лет тридцати, с наколками на пальцах обеих рук.

– Да по мелочи. Рассек одному велосипедной цепью башку за то, что тот выступал, ну и повязали. Отмазать было некому. Мать вроде сходила к родичам потерпевшего, но те мзду запросили наглуую, а откуда у нее деньги, когда на жратву еле-еле могла наскрести. Вообще-то дали два года всего – нестрашно. Самое-то страшное, Олег, ждало впереди, – потряс указательным пальцем захмелевший Фан перед носом, затягивая паузу. – Освобождаюсь я через два года с малолетки и еду к себе домой в Миасс, в Челябинске у меня пересадка на другой поезд. Купил билет заранее чин по чину и в ожидании отправки тусуюсь по вокзалу, абсолютно никому не мешаю. Да тут же в киоске еще нож перочинный приобрел, так, просто, без задней мысли, понравилась вещичка, вот и купил. Свободно же они продавались, небольшие такие, с короткими лезвиями. Одет я был, конечно, не ахти как, сам пойми, некому было высылать шмотки. «Коцы» зековские, «куртян» от робы, правда, без номерка, «шкары» только гражданскими были. Захожу, значит, в буфет, беру бутерброд с чаем, бабки кое-какие все же были: заработал малость за время отсидки, жую себе и поглядываю на смазливую грудастую буфетчицу из-под ресниц. Только она, падла, виляет задницей перед каким-то плешивым, с галстуком, выставив на него золотые фиксы, а на меня ноль внимания. Зато два хмыря не пожалели со мной перекинуться парой ласковых. Откуда они взялись, сам не пойму.

Тут Фан сильно занервничал и сжал кулаки до посинения, заскрежетал зубами:

– Пристроились за моим столиком, без каких-либо разрешений, и тот, что поздоровее, внаглуую мне бросает: «Дуй-ка, пидарчонок, за тарой, да побыстрей, пока я не рассердился». Это он мне при всех говорит, сечешь? Даже буфетчица услышала. С жалостью взглянула на меня. Видуха у меня, понимаешь, не соответствовала гражданской: стрижка короткая, оделась бедная. Но я ему показал кое-чего из русской классики, за базар-то отвечать надо, раз ляпнул. Согласись, мне так его было не взять. Можно было, конечно, уйти, но а как потом жить

с такой обидой всю жизнь, не забудется. Другой, может, и ушел бы, плюнул и ушел, но не я. Короче, саданул я его три раза с близкого расстояния перочинным ножиком в область живота и сердца, не задумываясь и даже не гадая. Кореш-то его посообразительнее оказался, деру дал, не стал впрягаться. Ментов, гнида, приволок. Все они петушатся до поры до времени, пока конкретно не втянешь по рылу. Тут уж они из штанов выпрыгивают, забывают, как выступали, и бегут за поддержкой. В общем, скрутили меня, как опасного преступника. Да я и не сопротивлялся, бросил им под ноги ножик и стою. Так нет же, повалили все равно и давай руки назад заламывать. Эх, зачем я не Брюс Ли, раскидал бы всех с ментами вместе, чтоб не лезли! – с досадой выговорил Фан, отхлебнув для успокоения еще грамм пятьдесят водяры, налитой в стакан из-под чая.

– Впяляли мне еще семь лет, не отходя от кассы. А за что? За то, что этот гандон штопаный не следил за своей хлебалой. Сам-то выжил, зараза! Сдох бы – хрен с ним, не обидно. Одной мразью меньше бы стало.

– Ну, а дальше-то что, отсидел, вернулся домой? – допытывался Олег, стараясь услышать дальнейшие похождения Федьки из первых уст.

– Ну, что дальше-то... Не вернулся я домой, ошибочка у тебя вышла. Отправился в Тюмень, оттуда в Ханты-Мансийск к нефтяным скважинам, потом по Казахстану «прошманился», снова перекинулся на Русь. И все пользовался услугами организационного комитета, бесплатной поездкой, так сказать.

– Да, тяжковато тебе, Фан, пришлось, – протянул Олег, цокнув языком. – Тяжковато.

– А я не жалею! Мне такая жизнь нравится. Я уже сейчас не смогу усидеть на одном месте. Понимаешь, все куда-то тянет. Хочется новенького узнать, увидеть своими глазами.

– Побродяжничать, ты хочешь сказать? – поправил его Олег.

– Точно сказано, – не возразил Фан. – Присоединяйся, будешь попутчиком.

– Принимаешь в ряды бродяг?

– Если не понравится, можешь свалить в любое время. У нашей братии зависимости от кого-либо нет, – подшутил Федька, моргнув одним глазом.

– Тогда записывай в свои ряды, я не против, – засмеялся Олег. – Другой дороги пока я перед собой не вижу.

Когда наши герои доехали с пересадками до места назначения, под ногами уже похрустывал осязательный слой снега, снега сибирской земли.

Многие из ехавших ребят тайгу и Сибирь видели впервые, и местному сибиряку не трудно было догадаться, что это залетные. Поработают, покуражатся, и айда обратно, кто куда.

В конторе лесосплава их наверняка ждали, быстро разместили в общагу, показали местную столовую. В городке показать им было нечего: небольшой угрюмый сибирский городок достопримечательностей, интересующих наших героев, не имел.

Обустроившись и сытно поев после длительной дороги, они решили сходить узнать насчет работы поконкретнее. И оказалось, что «мудак», отправивший их, перепутал Сибирь с Африкой или забыл, что здесь зимой реки замерзают, а сплав леса происходит лишь с весны до осени. Получилось так, что они прибыли только к закрытию сплава, и их могут принять пока только собирать щепки на заводе лесосплава, естественно, на зарплату, которую у себя в городе легко можно было заработать, сидя на вахте вахтером в каком-нибудь женском общежитии.

Видя, что здесь делать больше нечего, Олег Свиридов и Федька – Фан – с несколькими другими недовольными происшедшим ребятами, собрав оставшиеся деньги, выехали в город Кемерово и снова с помощью оргнабора направились вглубь тайги на лесоповал в небольшой таежный поселок в Тисульском районе.

Начальник леспромхоза, куда прибыли трудяги, был человеком общительным, старался говорить на «вы».

Высокого роста, с широкими плечами, даже сидя на стуле, заметно выделялся своей фигурой. Говорил он тихо, но внятно, так что переспрашивать не приходилось, и из его разговора было понятно, кто хозяин в кабинете. Долго расспрашивать он не стал, вкратце объяснил ситуацию в поселке, сказал, как себя вести и что нужно делать дальше.

– Вы, ребята, правильно меня поймите: здесь тайга, люди суровые, чуть что – могут быть неприятности. А вы еще молодые, много чего не понимаете, так что будьте внимательны. Устройтесь пока в гостинице, а потом будет видно.

Что он этим хотел сказать, никто не понял, но на всякий случай намотал на ус, видно, начальник имел в виду, чтобы они больно не выступали.

Дни шли своим чередом, зарплату получали вовремя, в общем, особо не жаловались. Федька устроился чикировщиком, а Олег – помощником вальщика.

Со временем из гостиницы их разместили по квартирам по два, по три человека. Правда, отопление в них было не центральное, топили углем. Федьку и Олега поселили к дяде Коле, успевшему уже пожить в одиночестве пару месяцев и обжиться на новом месте.

Утром уезжали они на вахтовых автобусах на делянку, вечером приезжали, а кто остался в леспромхозе, ходил в промзону сортировать древесину. И так шесть дней в неделю. В свободное время были пьянки и банный день. Дядя Коля был человеком в возрасте, имел за своей спиной большой опыт скитания по стране, перенес немало жизненных изворотов. Любил читать газеты, рассказывать о прожитых годах: как бегали вдовушки за ним, где у него остались дети, но больше всего Федьке и Олегу нравилось слушать о золотых приисках на севере. Дядя Коля так красочно рассказывал о них, глядя свою седую шевелюру, что у ребят от слова «золото» дух захватывало, потому как каждый из них ехал сюда с целью разбогатеть. И закончилось все тем, что, получив от него заветный адресок и напутствие, решили они немедля ехать дальше, на север.

– Вам, други мои, здесь делать нечего, пока есть силушки, – говорил дядя Коля, откашливаясь. – Был бы я чуть помладше возрастом, вряд ли меня бы тут удержали. А у вас все есть: и молодость, и силенки. Держите путь в Усть-Неру, что в Якутске. Это край золота, а золото, братцы, это жизнь. Если у вас ничего не выгорит с моим адресочком, то на приисках работа всегда найдется, а маляву для кореша я настрочу, передадите ему, чтобы не насторожился.

Так и не дождавшись весны, ребята уехали в Красноярск, оттуда поездом до Тынды, а с Тынды до Якутска уже автобусом.

Север встретил их мертвой тишиной. Кругом была снежная пустыня и лютый мороз. Местами встречались лишь карликовые деревья. Пока ехали на автобусе до Якутска, машин встретилось раз-два и обчелся. В основном грузовые «Уралы». Населенных пунктов, как и машин, было очень мало. Чаще всего это были стоянки с заправкой, со столовой или небольшие поселки районного типа. Одним из них был небольшой городишко Алдан. Город держался на золотых приисках и обогатительном комбинате «Алданзолото». Останавливаться здесь не стали, целью была Усть-Нера, в Алдане решили порыскать на обратном пути, если впереди не выйдет ничего путевого. Когда добрались до Якутска, запасы денег иссякли, а до Усть-Неры надо было лететь самолетом. Олег хотел вспомнить былую профессию, но, к счастью, в аэропорту попался с утра уже нагруженный «лихач». Ребята решили не упустить шанс, не мешкая, выпили винца, преподнесенного лихачом за знакомство, и повезли его в город, чтобы продолжить веселье, разрядиться масштабно, покурлесить вдоволь. По дороге лихач много говорил, без конца вытаскивал деньги, тормозил нанятую тачку, где надо, где не надо, пока Олег не попросил остановиться возле неприметного здания с небольшой вывеской над дверью. Здесь они вытащили бедолагу из машины и, расплатившись с таксистом, принялись шарить по карманам, не обращая внимания на редких прохожих. Выпотрошив всю наличность и оставив «хлюпика» у двери здания, они отправились якобы на точку за «водярой».

– Ну что, Фан, – сказал Олег, тормозя серую волжанку с госномерами на другой стороне улицы, – летим!

* * *

Иван Павлович Татаринцев, в узких кругах проходивший как Татарин, жил в окрестности Усть-Неры своим деревянным домом со своей женой Марией Афанасьевной Татаринцевой. По виду ему было уже за пятьдесят. Среднего роста, среднего телосложения, чуть сторбленный, с большими, как кувалды, кулаками, с седыми волосами и аккуратно подстриженной седой бородой, он производил впечатление человека грозного. Давно обосновавшийся в этих краях, Иван Павлович хорошо знал местные обычаи, натуры местных людей, а главное, золотоносные прииски, прилегающие к недрам Усть-Неры и Сусумана в Магаданской области. Как человеку, самому прошедшему эту территорию в поисках золота в молодые годы, ему было известно, где можно намыть золотишко, а где нет. У него существовала даже специально припрятанная карта, где он делал свои пометки о местонахождении золотоносных рудников, расшифровку которой знал только сам. За такую карту любой промысловик отвалил бы солидную сумму.

В былые годы молодой Иван Татаринцев в составе геолого-разведывательной экспедиции в качестве помощника геолога отправился в верховья Индигирки в поисках золотоносных районов. В состав экспедиции, кроме него, входило еще три человека – два геолога и еще один помощник. Основная работа помощников заключалась в том, чтобы таскать за геологами рюкзаки, которые те заполняли по ходу маршрута образцами горных пород, от чего ноша становилась не легче, а тяжелей. Но ради золота Татаринцев был готов на все тяжести жизни, мог перенести любые испытания, только бы занять желаемый лакомый кусочек.

Геологи были со стажем, хорошо разбирались в породах и шли по маршруту быстро. Подгоняло еще очень ограниченное время – количество дней, отпущенных для Крайнего Севера. В сентябре работа уже закруглялась из-за наступающих холодов, а результат для начальства всегда должен быть положительным.

На исходе первого месяца обнаружили залежи золотоносных пород, и Иван Татаринцев, как и геологи, тайно сделал отметку в своей самодельной карте, которую он вел в течение всего полевого сезона.

– Смотри, Иван, вот здесь скоро откроется еще один прииск, – говорил ему старший геолог Саня Стрельцов при обнаружении очередного месторождения золота, обещающего большие перспективы. – И может, назовут его твоим именем, все-таки первооткрывателем будешь и ты.

«Да, – думал Иван про себя, – пригоните технику, поставите драги и будете мыть золото для казны да отправлять вертолетами на комбинаты. А золотарям, которые будут пахать здесь до «посинения» по четырнадцать часов в сутки без выходных и праздников в течение восьми месяцев, при хорошем урожае выдате какой-никакой куш, а если при таком же темпе работы не будет «урожая», то скажете: извините, ребята, в другой сезон постараемся сесть на более выгодный участок».

Что делать, карточная игра.

Играл он уже в такую игру в одной артели Сусуманского района. Хотел заработать солидный куш, да проиграл, потому с обиды и спрятал найденный небольшой самородок на черный день. Только вот сплавить по сходной цене самородок не удалось. Взяли тогда скупщика золота, орудовавшего в Усть-Нере, и самородок Татаринцева вместе с ним. По составу самородка определили, с какого он прииска, и вычислили его хозяина. Может, этот барыга-скупщик сам и сдал Ивана, теперь так и осталось это загадкой. И загремел Иван Татаринцев по статье 167 «За нарушение правил разработки недр и сдачи государству золота» на два года, где, отбывая наказание, обрел кличку «Татарин».

В конце августа ночи стали холоднее, и геологи начали подумывать о возвращении на базу. Количество обнаруженных залежей было вполне достаточным, и можно было смело отпортовать начальству об успехе экспедиции.

Замысел Татаринцева о перехвате и уничтожении геологической карты золотоносных залежей с начала экспедиции был туманным. Но сейчас, когда результат превзошел все ожидания, тянуть было ни к чему. Геологическая карта, куда заносились перспективные площади, всегда находилась при Саньке Стрельцове, в его полевой сумке, и незаметно уничтожить ее вряд ли получилось бы. Нужно было немедленно спланировать трагический случай.

Стрельцов с Татаринцевым на протяжении всего сезона ходили вдвоем, и карабин, выдаваемый геологам на время экспедиции, Стрельцов всегда держал при себе. У Татаринцева, кроме обычного охотничьего ружья, одолженного у знакомого охотника перед экспедицией, на всякий случай, в поясе торчал еще нож ручного изготовления.

В то утро, позавтракав приготовленным неофициальным поваром экспедиции Толей Разуваевым, они отправились вверх по Индигирке. Река Индигирка холодная, с быстрыми накатами, чуть ли не соединяла два моря: Восточно-Сибирское, куда она стекала, и Охотское, в преддверье которого начиналась. Вода в ней была всегда чистая, прозрачная. Вокруг образовались крутые склоны с низкорослыми деревьями – отличное место художникам и поэтам исчерпать вдохновение, когда творчество заходит в тупик.

Вот по этим сказочным местам шли сейчас Стрельцов и Татаринцев. Первый – с мыслями найти новые месторождения, второй – с мыслью устранить геолога.

К обеду от лагеря отошли километров на десять и решили передохнуть.

– Вань, приготовь паек, будем обедать, – сказал Стрельцов, сбрасывая рюкзак, – а я пока осмотрюсь, что тут у нас имеется, – и полез по склону наверх.

Стрельцов был мужик здоровый, сильный, на авось рассчитывать не приходилось, и Татаринцев, на ходу зарядив ружье, выстрелил ему в спину. Саня, словно раненый зверь, медленно опустился на одно колено, хотел развернуться, но прогремел второй выстрел, отбросивший его вперед, опрокинув лицом вниз. Близко к Стрельцову Татаринцев не стал подходить, тот все еще не выпускал из рук карабин и пытался встать, а, перезарядив ружье, выстрелил в голову. Стрельцов вытянулся и затих. Медленно подойдя к труп, Татаринцев снял с него полевую сумку, убедился, что карта там, и со всей силой швырнул бесчувственное тело в воды холодной Индигирки. Течение подхватило труп и скрыло в своих накатах. Татаринцев развернул карту, положил на мох, потом вытащил свою карту, сравнил их, сделал несколько пометок, после чего, достав из кармана спички, разжег небольшой костер и вместе с сумкой бросил геологическую карту в огонь, а обнаруженные следы крови уничтожил. Карабин Стрельцова он не стал выбрасывать, а забрал с собой и на обратном пути закопал под одиноко стоящей елью, сделав на дереве зарубку и нанеся пометку в своей карте. Предстояло еще немало работы. Надо было надежно спрятать карту, доказать оставшимся в лагере, что Стрельцов на самом деле сорвался со склона, сохраняя при этом спокойствие, трезвый ум. Когда Татаринцев добрался обратно, уже стемнело. Толя Разуваев и второй геолог Дима Арсанов разожгли костер и готовили ужин.

– А где Стрельцов, медведь, что ли, съел? – в шутку сказал Арсанов, но, сообразив по виду Татаринцева, что ляпнул невпопад, умолк, в упор сверля его взглядом.

– Нет, не съел, – сказал Татаринцев как можно спокойнее. – Со склона он сорвался в Индигирку.

Разуваев как кружился у костра, так и сел там вместе с поварешкой, разинув рот, ни живой, ни мертвый, а Арсанов как стоял, смотря в упор, так остался стоять.

– Мы остановились на обед, – продолжал Татаринцев, – а Саня полез по склону осмотреться. Когда я услышал крик, он был уже в воде. При падении, скорее всего, он ударился, иначе река так быстро его бы не затянула, я даже не успел добежать до берега.

– А кто же стрелял? – очнувшись от оцепенения, спросил Арсанов.

– Стрелял я уже у берега раза два или три от отчаяния, – виновато проговорил Татаринцев.

Больше вопросов никто не задавал. Несколько минут все стояли, не глядя друг на друга, каждый думал о своем. Затем Арсанов сходил в палатку за рацией и стал вызывать контору. После нескольких попыток вызова наконец-то там ответили. Арсанов вкратце рассказал о произошедшем и отключился. Через час из конторы их вызвали и предупредили, что завтра утром вертолет будет всех снимать. Поужинали молча, так же молча расположились спать. Первым лег Татаринцев, с полчаса спустя остальные, но никто в этот вечер не мог уснуть.

Дмитрий Арсанов среди экспедиционной группы был самым молодым. По окончании геолого-разведывательного факультета горного института по распределению попал в Аллах-Юньскую геологическую экспедицию, находившуюся в самой холодной точке Советского Союза около Оймякона, где шла разведка угольных месторождений. Проработав там два года и отработав тем самым положенный после института срок, перебрался в Усть-Неру, поближе к истокам золота.

Со Стрельцовым они познакомились еще задолго до экспедиции и не раз вели душевный разговор за горячительными напитками, потому, наверное, с открытием сезона Стрельцов и взял его к себе. С одним из их помощников Дима быстро скорешился, а вот второго – Ивана Татаринцева – никак в толк не мог взять. Иван был немногословен, не любил подчиняться, хотя старался этого не показывать и просьбы Стрельцова выполнял. Долго вечерами он не засиживался, когда все, собравшись, о чем-то интересном болтали, он или уходил спать, или, взяв ружье, шел охотиться или удить рыбу. Что-то в этом скрытном парне таилось, и можно было всякого ожидать от него в любую минуту. Разбирался в камнях он не хуже Стрельцова и, казалось, заранее мог определить, есть здесь золото или нет. Эти мысли не дали Арсанову покоя до утра, пока не раздался гул вертолета.

Вместе с вертолетом прилетели участковый милиционер и следователь. Следователь по тяжким преступлениям – Кудашов, стройно подтянутый парень лет тридцати – решил сыграть сразу ва-банк и, отводя каждого в сторону, по отдельности, задавал один и тот же вопрос: «А где труп?». Внятно все объяснить мог только Татаринцев, остальные пожимали плечами: «Мол, ничего не знаем». Долго осматривать местность не стали, быстро собрав пожитки, полетели к месту происшествия. Повисев над склоном, откуда сорвался Стрельцов, надумали сесть метрах в трехстах на открытой полянке. На место гибели Кудашов взял с собой участкового и Татаринцева, остальным приказал не отлучаться из вертолета. Участковый, не тратя времени, ползая, обследовал склон и, взяв еще раз показания у Татаринцева, заполнил протокол, который дали подписать Татаринцеву, и вернулись к вертолету.

По прилету на базу их прямо с вертолета на «Уазике» переправили в отделение местной милиции. Разуваева и Арсанова отпустили буквально часа через два, а Татаринцева, учтя его прежние «заслуги», решили придержать. По истечении трех суток и бесконечных допросов со всякими ментовскими уловками Кудашову стало ясно, что ничего новенького в деле не всплывет и придется дело подгонять под несчастный случай.

* * *

Арсанов, освободившись от объяснений с ментами, отправился в контору. Начальник геолого-разведывательной экспедиции Исмаев Хизри Магомедович, по национальности аварец, рожденный в Дагестане, в горном селении, встретил его нерадушно. Питать вопросами, касающимися гибели Стрельцова, не стал, но о карте все-таки спросил:

– Ты, Дима, пойми: Стрельцова нам не вернуть, но результаты работы, если покажешь участки, помеченные вами, все-таки будут налицо. И, – подняв левую руку, прищурясь, продолжил, – если откроется хороший участок, то можем назвать его в честь Стрельцова.

– Так ведь, Хизри Магомедович, карта-то была одна и только у Стрельцова, все пометки делал только он, – оправдывался Арсанов.

– А ты точно знаешь, что он носил ее в сумке? Может, оставил где-нибудь, – перебил его начальник.

– Нет, – отрубил Арсанов, – карта была с ним.

– Ну ладно, иди, Арсанов, – махнув рукой, сказал Хизри Магомедович. – Будем считать, сезон для вас не удался, – а сам подумал, что за это происшествие по головке не погладят, вот если карта целехонькой осталась бы, то другой разговор: тут и премия, тут и грамоты. Знал он Стрельцова не первый год. Если тот в середине сезона не попросился в другой маршрут, значит, раскопал нормальный участок, зря он на одном маршруте останавливаться не стал бы. Жаль очень, жаль, что так все печально кончилось. Придется на второй сезон туда же снарядить одну экспедицию.

Разговор с начальником сильно испортил настроение Арсанова. Чтобы как-то отвлечься, сдав экспедиционный инвентарь, купив в магазине пару бутылок водки, отправился он навестить свою подругу. Двадцатилетняя Наташа со своим маленьким сыном жила в однокомнатной квартире двухэтажного деревянного дома. Родители Наташи, приехавшие на заработки много лет назад, облюбовали этот городишко и остались здесь жить, здесь родилась и Наташа. Окончила десятилетку, поступила в педагогический институт в Якутске и, вернувшись через четыре с половиной года, вышла замуж за местного парня. Через год после рождения сына мужа в пьяной драке зарезали. Смирившись с этим, она стала жить одна с сыном, частенько навещая родителей, пока не появился Дима. С Димой они познакомились в школе, где она преподавала русский язык и куда он пришел в школьную библиотеку. Так завязалась дружба, переросшая в небольшой роман.

Наташа встретила Диму с удивлением, так как ждала его возвращения только в сентябре. В квартире был беспорядок из-за намечавшейся грандиозной уборки, и сын на время был препровожден к родителям. Короткие приветствия с долгими поцелуями закончились раздеванием Димы и отправкой его в ванну. Через час, отмокнув в горячей ванне и смыв месячную грязь, обмотавшись полотенцем, сияя розовыми щеками, он прошел на кухню, где Наташа успела накрыть на стол и прибраться чуть в квартире.

– Ну, родная, за встречу, – поднял с довольной улыбкой Дима рюмку и, залпом выпив, закусил солеными огурцами.

– Ну, родной, за встречу, – подыграла Наташа и проделала ту же процедуру с рюмкой и огурцами.

Наевшись до отвала, Дима в знак благодарности поднял Наташу со стула на руки и, тихонько целуя, понес в зал, где, продолжая целовать, поставил ее на ноги и медленно начал расстегивать пуговицы соблазнительного халата, скрывавшего все прелести женской фигуры. Затем, продолжая целовать, расстегнул лифчик и, став на колени, зубами вцепившись в узкие трусики, стал стягивать их вниз, осторожно касаясь руками гладких длинных ног. Закончив с трусиками лаская кончиком языка ее тело, двинулся в обратный путь, не забывая руками гладить интимную часть женского естества. Он впился в эту часть как пиявка, руками схватившись за круглые ягодицы, отчего она громко застонала и крепче прижала его голову к своему животу, и медленно опустилась на диван, откинувшись назад. Наконец, убедившись, что оба возбуждены до предела, они приняли обыкновенную позу, и он нырнул в раскрытый цветок меж ее ног, и оба они зашлись в захватывающем порыве безумной страсти. Длительная разлука дала о себе знать, и они занимались этим, не в силах остановиться, принимая разные положения и изобретая новые позы.

* * *

Как приятно вдохнуть полной грудью свежий бодрящий воздух, когда оказываешься на улице после нескольких дней заточения в ментовских апартаментах, после бессонных ночей, сопровождаемых бесконечными допросами и унижениями!

Постояв немного у крыльца отделения милиции, Татаринцев, не оглядываясь назад, на ходу прикуривая сигарету, направился к месту жительства, в одну из комнатшек общаги геологоразведочной экспедиции. Из-за бесконечных допросов Кудашова настроение у него было скверное, но голова была занята другим. Не заходя в свою комнату, он прошел по коридору до конца и постучался в одну из обшарпанных дверей. Ответа не последовало. «Где же он, сукин сын, бродит, этот Арсанов?» Сейчас во что бы то ни стало надо поймать его! Что у него там, в голове, попробуй разберись. Возьмет и захочет обменять на новый свой бушлат, выдаваемый раз в три года, и ищи потом его среди кучи тряпок. А как выманить этот бушлат у него на время, он даже не раздумывал. Что может быть проще!

* * *

На исходе третьего дня любовных утех Арсанов решил сходить в контору и заодно проверить свое жилище. Как бы там ни сложилось у него с Наташей, комнату надо придержать, всякое в жизни бывает.

– Наташа! Куда ты мой бушлат закинула? Прохладно сегодня на улице, – сказал он, разбирая вещи на вешалке. – Пройдусь я немного.

– Ты собрался в контору? – отозвалась она. – Обрати пойдешь – захвати молока и хлеба, а бушлат твой я повесила в шифоньер.

– Да, и схожу в общагу, посмотрю, как там моя конура, заодно и ребят проведаю, – буркнул Дима и стал надевать бушлат.

На улице в самом деле стояла прохладная погода. Арсанов к начальнику заходить не стал и быстро управился с делами в «конторе». При входе в свою комнату зацепился бушлатом за дверь, отчего подкладка бушлата хрустнула, и из нее выпал аккуратно сложенный лист бумаги. Развернув лист и изучив содержимое, Арсанов сел на кровать и, бледнея, ударил ладонью себя по лбу.

Это была карта. Карта маршрута экспедиции со всеми пометками пройденных участков. «Почерк не Стрельцова, – подумал он, – его бы почерк я узнал. А чей же?»

– Мразь! Ох, падла, мразь! – вскрикнул он, соскакивая с кровати. – Не зря я опасался этого Татаринцева. Почерк на карте его! Значит, втихую вел свои записи. Да и смерть Стрельца, как называли его за спиной, неправдоподобна, пусть менты заново все обшарят, может, эта карта прольет свет на все.

Он опять задумался: «Как же карта оказалась зашитой в моем бушлате? Значит, Татаринцев подстраховался на случай, если менты начнут его шмонать, у него ничего не окажется, а нас бы трогать они не стали. Не зря он в последний вечер залез в палату пораньше и что-то там копошился, видать, тогда и зашил карту под подкладку. Надо идти к Кудашову».

В дверь постучали и, не дождавись ответа, открыли. В дверном проеме стоял Татаринцев.

– Здорово, Димон, ты где это пропадаешь? С утра ищу тебя, – и, увидев в руках у Арсанова карту, прищурился.

– Вот искал твою карту в бушлате и, видишь, нашел. Гляжу, аккуратно чертишь? – держа в руках карту, отозвался Арсанов. – Схожу, отдам Кудашову, может пригодиться, как думаешь?

– Карту нашел! Это хорошо! Весь бушлат изрезал! Оказывается, я случайно ее в твой зашил. Вот ведь голова садовая, – крутя пальцем у виска, ответил Татаринцев. – А карту отдай, ни к чему она тебе, все равно не разберешься.

– А мне разбираться не надо! Пусть Кудашов разбирается, дело Стрельца подымает, есть у меня сомнения, Ванюша, что это твоих рук дело.

– Сомнение, Димон, это не доказательство, и нечего меня сверлить взглядом, чист я, чист, потому и отпустили.

– Отпустили – так возьмут обратно, если понадобится, а карту я не отдам.

– Не отдашь, значит? А если в долю возьму, вместе будем артельничать? Ты же не знаешь, что нашел там Стрелец. Верняк, понимаешь. Верняк! Второй раз такого может и не быть.

– Верняк, говоришь? Я, Ванюша, всегда догадывался, что ты мразь, – закончил Арсанов и стал надевать бушлат.

Больше медлить было нельзя. Последний шанс с долей тоже не помог, а свое из-за какого-то сморчка упускать не хотелось. Татаринцев левой рукой вытащил из-за пояса нож, который не оставлял нигде и, развернувшись боком, со всей силы всадил его через распахнутый бушлат в область сердца. Арсанов был парнем крепким, и вряд ли Татаринцев в рукопашной легко бы с ним справился, но от неожиданного удара его ничего не спасло, и он, вцепившись в рукоятку ножа обеими руками, медленно оседал. Татаринцев не стал смотреть, как Арсанов забьется в предсмертной агонии, выдернул нож из скрючившегося от боли правдоискателя, вытер о его одежду и, забрав карту, на ходу засовывая нож в ножны, вышел в коридор. «Сначала нужно надежно спрятать карту. Но куда?» И, подумав немного, спустился в подвальное помещение общаги. Тайник получился неплохим, при отрицательном исходе карта могла пролежать там долго. «Что дальше делать? Как выкручиваться? Податься в Сусуман? Найдут. На материк? Рано или поздно вычислят и объявят во всесоюзный розыск, а это разрушит всю перспективу. Идти с повинной и постараться получить поменьше сроку? О существовании карты, кроме меня, сейчас никто не знает. Что же делать? Что же делать?» С такими мыслями Татаринцев не заметил, как оказался у дверей своей комнатухи. Открыть дверь он не успел. Кто-то, сзади сильно толкнув, стал заламывать ему руки. С силой оттолкнувшись двумя ногами от косяка двери, Иван хотел освободиться, но выскочившие из дверей двое парней лет по двадцать пять завалили его на пол и щелкнули по заломанным рукам «браслетом». Оказалось, один из обитателей общаги, возвращаясь с работы, все же увидел выходящего Татаринцева, так как жил рядом с Арсановым, а пройдя мимо его комнаты, услышал стоны и, приоткрыв дверь, обнаружил геолога в луже крови. Не раздумывая, спустившись на первый этаж, позвонил от коменданта в отделение, и буквально через полчаса опера прибыли на место преступления, где и взяли Татаринцева.

Нож он свой не успел выкинуть, улики были налицо, и прокурор вынес вердикт, определив по статье 102 «За умышленное убийство из хулиганских побуждений», лишение свободы сроком на 15 лет, вследствие чего осужденный Татаринцев был этапирован в одну из колымских тюрем.

Отсидев четверть срока из положенного, с Колымы он был этапирован в один из иркутских лагерей, «Краслаг», как именовался он в народе. Лагерь, куда определили Татаринцева по прозвищу Татарин, расположился недалеко от реки Уда и занимался обработкой и валкой леса. Первые годы пребывания в «Краслаге» Татаринцев ходил в промзону, где работал на пилораме. А позднее лагерное начальство, ничего плохого не заметив за этим «мужиком», выпустило его на делянку, переведя в бригаду Назара – худого длинного мужика лет сорока.

С зоны выводили в семь утра и, проверив по личным карточкам с фотографией осужденного, сажали в автозак. Молодые солдаты, проходящие срочную службу в рядах доблестной Советской Армии, с автоматами и овчарками стояли вокруг автозака на случай побега. По погружении всей бригады решетки закрывались на замок и запускались солдаты-охран-

ники, располагавшиеся напротив. Так и ехали часа два сквозь сон, рассматривая друг друга. На делянку заезжали по лежневке, специально сделанной руками тех же зеков. По приезду на место выгружали опять по одному и строго по карточкам около караульного помещения, по окончании чего зеки уходили на территорию, которую по периметру каждые два часа обходили солдаты с собаками. Кроме этого солдаты ходили по делянке с карточками осужденных по два человека без оружия, проверяя зеков во время работы. Солдаты срочной службы, по воле судьбы оказавшиеся по эту сторону забора, и зеки всегда находили общий язык и жили без проблем. Некоторые даже чифирили вместе, и ничего зазорного в этом не было. Татаринцев в бригаде работал вальщиком, а в помощниках у него бегал черноволосый мужичок лет сорока пяти – пятидесяти с толстыми губами по кличке Кузя. В последующие годы пребывания они как-то сблизились, Кузя сидел уже третий срок, проходя по золотой статье 167. Со временем Кузя пересел на «рогач» по погрузке леса на лесовозы. На лесовозах работали вольнонаемные водители, приехавшие на заработки, или же местные жители. Но, какие бы ни были, они Кузю не забывали: то пачку чая, то сигарет, а то и водяру подбросят. Естественно, последнее за свои деньги. Кузя в свою очередь охотно делился с Татаринцевым. В одну из посиделок Татаринцев проговорился Кузе о карте. Тот разговора всерьез не принял. Тогда, детально объяснив суть дела, Татаринцев предложил Кузе после освобождения вместе попробовать помыть золото.

– Эх, Татарин, хороший ты кореш, если открыл мне свою тайну. Но, прикинь, когда я освобожусь, мне будет уже за пятьдесят, бегать по сопкам силенок может не хватить. А ты думаешь, никто по вашему маршруту не прошел? – с какой-то детской надеждой, посмотрев на Татаринцева, спросил Кузя.

– Может, и прошел, но там участков было четыре. Сдается мне, хоть один да останется.

– А если нет?

– Да вряд ли, – закончил разговор Татаринцев.

Через три года после этого разговора Кузя освободился, Татаринцеву же оставалось досиживать полтора года. В течение этих полутора лет Кузя не забывал старого кореша, время от времени отправляя передачи или письмецо. Последнюю передачу Иван получил из Кемеровской области, где, судя по всему, собирался осесть Кузя. Освободившись по истечении срока, от звонка до звонка, Татаринцев перебрался в Усть-Неру. Старую общагу геологоразведочной экспедиции он нашел без труда, потому как за пятнадцать лет отлучки не забывал об этом. Спустившись в подвал, посветил там заранее купленным карманным фонариком и стал пробираться к тайнику. К нему, похоже, никто не прикасался. Пошарив руками, Иван выудил завернутый в целлофановый пакет сверток. Карта сохранилась прекрасно. Поднявшись из подвала, он отправился в местную столовку. Женщина, орудовавшая в посудомойке при входе, чем-то напоминала Марию, девчущку, когда-то влюбленную в Татаринцева. Для начала плотно поев, Татаринцев решил подойти к ней.

– Мария, – тихонько шепнул он.

Женщина вздрогнула и, повернувшись, устремила взгляд на незнакомца.

– Ваня, ты?

– Мария, – еще раз произнес он. – Узнала?

– С трудом, Ваня, с трудом. Из-за твоих игривых глаз только, – обрадовано сказала она. – Ты откуда?

– Давай, Мария, потом все. Я схожу в магазин. Посидим, вспомним прошлое, поговорим о настоящем, ну, как ты?

– Ладно, Вань, на тебе адресок мой, – она достала из кармана ручку и клочок бумаги, написала свои координаты. – Ты иди в магазин, а я сейчас закончу и поеду домой, приготовлю что-нибудь. До сих пор не верится... Ведь столько лет не виделись!

Вот так Иван Татаринцев, встретив старую знакомую, обрел свою будущую жену Марию Афанасьевну, в последующем Татаринцеву, со своим домом и дворовыми постройками на окраине Усть-Неры, лет восемь тому назад похоронившую прежнего мужа.

* * *

«Кукурузник» АН-2 с двенадцатью пассажирами на борту, проваливаясь в воздушных ямах, приближался к аэропорту Усть-Неры. Экипаж самолета, проделавший многочасовой рейс, благополучно приземлил «Аннушку». Схватив свои пожитки, Олег Свиридов и Федька – Фан – сошли на колымскую землю навстречу предстоящим приключениям. Из аэропорта до города доехали на автобусе. Вытащив адресок, выданный дядей Колей, навели справки у проходившей мимо женщины и побрели на окраину города в поисках деревянного дома, указанного на листочке. Петлять долго не пришлось – нужный номер отыскали быстро.

Хозяин дома Иван Татаринцев встретил их с непонимающим взглядом, но, когда Олег протянул ему запечатанную в конверт «маляву», написанную дядей Колей, прищурился, стал внимательно читать. «Здорово, кореш! Твое послание получил! И еще раз повторяю: я стар и здоровьем не богат. Какая тебе от меня помощь?! Посему подобрал себе замену из двух крепких “фуцанов”, которые тебе, надеюсь, очень пригодятся. “Фуцаны” должны быть надежные, я с ними кантовался месяца три в леспромхозе, где и проживаю доселе. Думаю, если не вытяните пустышку, за «рабсилу» меня еще отблагодаришь. Ну, ты сам присматривайся и решай, что с ними делать, подробностей они не знают»

– От Кузи, значит? – отрываясь от чтения, проговорил Татаринцев. – Ну что ж, «кенты» моего кореша – мои «кенты», заходите в избу. Марьюшка, накрой на стол, гости у нас с «материка». Да, и заначку пошмонай.

Женщина накрыла на стол, достала из заначки бутылку самогонки и, поняв, что разговор будет серьезный, незаметно исчезла.

– Как там Кузя, сидит помаленьку? – начал разговор издали Татаринцев.

– Имеете в виду дядю Колю? – переспросил Олег.

– Его, горемычного, его. Кличка-то у него Кузя. Аль не знали? Ну да хай с ним! Так вы золотишком интересуетесь?

– Есть маленько.

– Маленько – это хорошо, а то другим не достанется. Имеете опыт намывки?

– Не приходилось нам артельничать, Палыч, – вмешался Фан, – но мы понятливые, смекнем, коли подскажешь, как.

– Время еще до выхода есть. Перекантуетесь в общаге, адресок дам. Снаряжение и паек я приготовлю.

Уходили в начале мая, как только земля чуток оттаяла, издавая весенний аромат. Нанесенный на карте маршрут Татаринцев так изучил, что мог обходиться и без нее. Несмотря на приличный возраст, он держался крепко, так что ребята, увешанные инвентарем и рюкзаками, еле успевали за ним. На исходе третьего дня прошли километров сто. Рюкзаки давили плечи, инвентарь – лопаты, топоры и сита – оттягивал руки вниз. Километров через пять показался зимник, где устроились на ночлег. Татаринцев вел «партнеров», заранее изменив маршрут. Знал, что два участка, отмеченные на карте, геологи во время его длительного отсутствия раскопали, и там сейчас после прохода бульдозеров и работы драги делать нечего. Два оставшихся находились километрах в тридцати друг от друга. На самый дальний и прицелился Татаринцев: «Начнем с него. Там надежды больше. Девяносто процентов точняк».

– Еще четыре дня попрыгаем по сопкам – и мы на месте, так что держись, братва, это вам не водку за столом хлебать, – подшучивал он над Олегом и Федькой, глядя на их «кислые» морды.

Через четыре дня, как и рассчитывал Татаринцев, дошли до места. Зимника здесь не было. На берегу Индигирки соорудили шалаш, накрыв его мхом. Палатку они не взяли, запаслись лишь самым необходимым: солью, спичками, чаем, сахаром, несколькими банками тушенки, хлебом в виде сухарей из расчета на шестьдесят дней, патронами, охотничьим ружьем, позаимствованным у знакомого Татаринцева, утварью для приготовления пищи и инвентарем для намывки золота. Остальное все нужно было добывать: рыбу, мясо, золото. Определив Федьку на добычу рыбы, а Олега – на приготовление сооружений для варки пищи, сам Татаринцев ушел поохотиться. Места здесь были безлюдные, разве что охотник якут мог забрести. Но поблизости, в радиусе пятидесяти километров, зимников не наблюдалось, а якуты, прежде чем охотиться, строили зимники, в шалашах да палатках от медведей, изредка заглядывающих в гости, не спасешься.

Стоило Татаринцеву чуть отойти от лагеря, как из кустов выскочил заяц. Вскинув ружье, он выстрелил. Заяц подпрыгнул и повалился набок. Он перерезал ему горло, положил в целлофановый пакет и бросил в рюкзак. По его расчетам, карабин Стрельцова, запрятанный лет шестнадцать назад, находился километрах в четырех от их базы. Пройдя эти четыре километра, Татаринцев нашел знакомую ель со своей зарубкой и раскопал хорошо завернутый карабин. Карабин слегка проржавел, но механизм его работал отлично. Заслав один патрон в патронник, он выстрелил в дерево, стоящее метрах в ста от ели. «Хорошо сохранился, ничего не скажешь, и прицел не сбит», – подумал он, подойдя к дереву, где красовалась дырочка от пули.

На обратном пути удалось подстрелить еще одного зайца. «Зверье есть. Значит, здесь давно не бывали ни геологи, ни охотники-промысловики», – рассудил Татаринцев. Карабин, не доходя до базы, он решил на время спрятать, но, раскинув мозгами, не стал этого делать.

– Ого! – встретил его Олег. – Откуда карабин?

– В лесу нашел, – отшутился Татаринцев. – Видать, кто-то убегал от медведя, забыл.

Расспрашивать дальше о карабине не стали. Нашел – так нашел, что человека пытать, для общего дела принес, не для себя. Поужинав зайчатиной, с наступлением темноты легли спать. Карабин Татаринцев оставил около себя, а двустволку отдал Олегу. Поднялись с рассветом, молча позавтракали.

– Ну что, ребятишки, – вставая с мерзлой земли, сказал Татаринцев. – Проверим участок! Есть там золото или нет.

– А далеко топать, Палыч?

– Зачем топать. Вон, видите, ручей течет к Индигирке? – показал он на ручей, находящийся на расстоянии двухсот метров от шалаша. – Если расчет верный, он должен быть золотой.

– А вдруг неверный? – усомнился Олег.

– Вот это мы сейчас и проверим. Не для того, чтоб уйти отсюда пустыми, я ждал шестнадцать лет. Берите сито и лопату, да ружье не забудь, – повернувшись в сторону Олега, произнес Татаринцев.

Интуиция его не подвела – ручеек оказался золотой. Прошло всего пару дней, и граммов четырехста золота они уже намыли. «Не зря, не зря в свое время Стрелец рыскал по этому ручью и возлагал на него большие надежды, да, видать, не суждено было».

Вначале работали втроем. Но надо было добывать и пищу. Вперемежку, соблюдая очередность, занялись добычей рыбы и мяса. Дни шли, запасы соли, спичек и хлеба становились все меньше и меньше.

– Ну что, золотари, думаю, намыли достаточно. Еще пару дней – и будем сворачиваться, – начал разговор за ужином Татаринцев. – Запасы и патроны иссякают, пора возвращаться.

– С голоду не помрем, давай еще поработаем дней десять, – возразил Олег.

– Если тебе этого мало, можешь остаться, – грубо ответил Татаринцев и, несколько помолчав, продолжил: – Ты это еще сплавь. Десятки килограмм рыжевья залетному скупщику

не сбросишь, тут нужен надежный покупатель. Рыжевье никуда не денется, ручеек-то вот он. Наладим канал сбыта – в любое время вернемся.

– Ладно! Так тому и быть, – согласился Олег, глядя на Федю. – Ну, а ты как думаешь?

– Палыч правильно говорит, Олег, надо вернуться и сбыт искать. А что толку сейчас столько намывать?

– Все за, – и Олег развел руками.

На другой день Татаринцев остался у шалаша, собираясь на охоту, Олег с Федькой с ситами и двустволкой спустились к ручью.

– Слышь, Фан! Не нравится мне этот Палыч, как бы не порешил нас на обратной дороге, – завел разговор Олег.

– С чего это ты?

– Да все шуточками да шуточками. А сдается мне, что есть у него канал, не зря мудрит этот старый пердун. Ему рыжевья со всего ручья не хватит, а он тут сворачиваться собирается. Лишние мы для него, чую, лишние. Использует он нас вместо ишаков и избавится. Ну, сам подумай. Он не новичок, как мы, маршрут знает назубок, и карабин у него тут припрятан был. Не объясняет же, падла, ничего.

– Без него мы не справимся, – прервал его Фан.

– Да справимся! С маршрутом я разберусь, у меня ориентир дай бог, и рыжевье мы, думаю, толкнем. Есть у меня на материке, кого оно интересуется. Знавал я таких.

– Что предлагаешь-то? Раз завел этот разговор.

– Порешить надо Палыча.

Федя молчал.

– Чего молчишь?

– А кто сделает?

– Мы монетку кинем, – сказал Олег, но, подумав, добавил: – Да я и сделаю, сегодня. Откладывать не будем.

В обед снялись как обычно, во избежание подозрений со стороны Татаринцева, доваривающего в котелке подстреленную куропатку.

– Ну, что, архаровцы, намыли много? – спросил он.

– Да не очень, – поднимая для выстрела заранее заряженное ружье, буркнул Олег.

Татаринцев, хоть и стоял спиной, но почувствовал опасность. Опасность, которую всегда чувствуют звери. Опасность, которая всегда подстерегает, где не ждешь. Карабин лежал метрах в двух от него, и достать его без резких движений не получалось. Но оставался нож. Схватившись левой рукой за рукоятку и поворачиваясь в правую сторону, он, не целясь, бросил нож туда, откуда веяло смертью. Одновременно с броском прозвучал выстрел. Нож, поцарапав ухо Олега, со свистом вонзился в сзади стоящее дерево. Пуля, выпущенная из двустволки, прошила грудь Татаринцева, отчего он качнулся, но равновесие не потерял. Но от второй пули уже не удержался и с грохотом повалился на горевший костер, сметая подвешенный котелок. Федя беззвучно наблюдал за этим в стороне, стоя поближе к карабину, готовый в любую минуту вмешаться. Олег убивал человека впервые в жизни, но ни мандраж, ни истерика его не охватили, словно стрелял он ради спортивного интереса.

Труп, зацепив за ноги, потащили к речке.

– Фан, дай я его обшмонаю, может, припрятал в карманах рыжевье, – высказался Олег и стал обшаривать мертвеца, вытаскивая все подряд. – Да ничего стоящего тут нет. Вот только лист бумаги, карта какая-то.

– Оставь пока у себя, – ответил Федя, сгребая остальное барахло и запихивая все по карманам трупа.

Не думал и представить себе не мог Татаринцев, что судьба уготовила ему такой же конец, какой он сам устроил когда-то Стрельцову. Проворнее оказались фуцаны, проворнее. А мыслишки-то у него были сделать как раз наоборот, как и предполагал Олег.

– Ну что, взяли, Фан! – и, схватив мертвеца за ноги и за руки, они сбросили его в бурлящую речку.

Очистив следы борьбы и уничтожив улики, Олег вновь вспомнил о карте:

– Смотри, Фан, оказывается, у нашего Палыча и карта своя была. Вот участок, где мы сейчас копошимся, – он ткнул пальцем в крестик на карте. – Дальше – еще три участка, скорее всего, тоже с золотом. Да и маршрут прочерчен отчетливо, только почему-то не похож на тот, по которому мы шли. Воистину золотая карта! Слышь, чего говорю-то, – обернулся он в сторону Федьки. – Надо нам возвращаться по этому маршруту, проверить, насколько точна карта, все равно в Усть-Неру выйдем. Авось что и найдем.

Переночевав, с рассветом они двинулись в обратную дорогу, захватив с собой остатки провианта, карабин с ружьем и намытое золото, которое разделили предварительно на две части, чтоб каждый мог нести свою долю сам. Шли по маршруту, нанесенному на карту, как и предлагал Олег. В конце первого дня пути, пройдя километров тридцать, остановились на отметке, указанной в карте крестиком. Бросив рюкзак на землю, Олег стал осматривать окрестности.

– Глянь, Сивый, – произнес Фан, назвав Олега придуманной после знакомства кличкой, показывая рукой вдаль. – Вроде ручей. Не там ли рыжевые?

– Так другого здесь нет, ясно, что золото там. Жалко, сито не взяли, можно было бы удостовериться.

– А ты карту точно расшифровал, ошибки не может быть? – с сомнением проговорил Фан.

– Географию надо было учить в школе, и ты бы разобрался. Вот, глянь на карту, – снова разложил Олег ее перед собой на земле. – Видишь, начерчена жирная полоса. Это Индигирка. Если бы я не знал о существовании того участка, где мы копались, естественно, она была бы для меня лишь жирной полосой, но, к счастью, мы знаем больше, чтобы разгадать крестики на карте. Тонкие полоски, прилегающие к жирной, – это ручьи. Первый – значит тот, где мы намывали золото, я определил его по двум сопкам, верхушки которых начерчены здесь на карте, вот они, – и он уверенно показал пальцем на две фигурные полудуги, – а на втором мы сейчас сидим. Почему? Объясню. Больше, во-первых, ничего подобного нам по пути не попадалось, а во-вторых, расстояние, пройденное нами, абсолютно идентично расстоянию на карте, а в-третьих, что очень важно, небольшой островок! Заметил его возле ручья или профукал?

– Ну, допустим, заметил, – буркнул Фан, разочарованный своими знаниями по ориентации.

– А вот он на карте, – снова продемонстрировал Олег свою сообразительность.

Два других участка по пути к Усть-Нере оказались раскученными бульдозерами. Сомнений не было, все совпадало с картой.

– Похоже, сюда мы опоздали, Фан. Не зря Палыч повел нас в обход, он наверняка знал, что золотари здесь побывали. А последний и предпоследний участки не достали. Значит, второй ручей тоже должен быть золотым.

– А нолик-то между ними что означает? – вопросительно взглянув, спросил Федька.

– Это загадка. Сам же видел, ничего путевого больше не было. Скорее всего, эту тайну Палыч унес с собой, – задумавшись, ответил Олег, не догадываясь, что никакой тайны уже не было: спрятанный карабин обозначенный ноликом, находился у него в руках.

* * *

Вор в законе Валерий Пустовалов по кличке Пустой, выйдя из очередной отсидки, занялся привычной работой Смотрящего. В молодости Пустой слыл медвежатником высочайшего класса и половину жизни провел в тюрьмах да лагерях нашей необъятной Родины. С каждого набега на свободе он исправно вносил взносы в общак воровской империи, соблюдал ее идеи и жил по понятиям этого особого мира. Не каждый человек мог выдержать все испытания, чтобы пройти от мелкого воришки до вора в законе, проходя суровую жизненную закалку в тюрьмах и лагерях и не роняя при этом свое достоинство – достоинство настоящего вора. Для таких воров идеи воровской империи превыше всего, отступить от них – значит вынести себе приговор, немедля приводившийся в исполнение. Случайные воры не могли выдержать такого напряжения и оставались в рядах обыкновенных или, еще хуже, «ссучивались». Прошедшие же все трудности в воровской империи, не теряя лица, не подставляя свой зад тюремным надзирателям, завоевывая авторитет только делом, силой, и с согласием со «сходняком воровским», становились законниками. Одним из таких законников и являлся вор в законе по кличке Пустой, ставший впоследствии в одном из провинциальных городов России Смотрящим.

В детстве Пустой рос обыкновенным мальчиком, ничем не отличаясь от сверстников. Мать с отцом его были рабочие, зарабатывали на жизнь своими мозолями и верили в светлое будущее. Жили в коммуналке. А когда отцу выделили однокомнатную квартиру, переехали с небольшими пожитками, купленными на честно заработанные деньги, на другую улицу. Новый двор, новая школа, новые друзья Валеру приняли как своего. Дворовые пацаны были «разнослоеные». Если он одевался хорошо, значит, мать его – торгашка или отец – начальник, если плохо, значит, из семьи работяг. Но это на детскую дружбу не влияло, как и на игру в футбол, в который они могли гонять с утра до вечера на школьном стадионе. Наверное, не один мальчик школьного возраста из предметов, преподаваемых в школе, выбрал бы физкультуру, где не нужно напрягать мозги, сидеть смирно за партой, дергая соседку за косичку, ожидая звонка, не отвечать у доски перед всем классом, во главе с училкой.

Воспитывала Валеру улица. У родителей до него руки редко доходили. Улица – основа основ. Здесь решалось все. Подростковый авторитет, смелость и мужество при масштабных разборках и выяснении отношений один на один, какие-то необыкновенные навыки, удивляющие сверстников, – вот что делало пацана на голову выше других. В угоду таким представлениям Валера с группой таких же ребят совершил дерзкое ограбление торговой базы, скорее всего, ради интереса, ради того, чтобы узнать, как это происходит.

Плохие манеры всегда даются легко. Их не надо изучать, их не надо запоминать, о них не надо думать, ими можно просто пользоваться, не думая о последствиях. И почему-то всегда оказывается, что именно плохое в нашей системе больше привлекает, чем хорошее, для достижения которого надо что-то уметь и вкладывать труд.

Взяли их на месте преступления «тепленькими» и переправили в отделение милиции. Разбираться долго не стали, определив всех в малолетнюю колонию, кроме одного, у коего родители, чиновные люди, постояли за свое чадо материально. Малолетка поглотила Валеру полностью и бесповоротно, направив его на путь профессионального воровства.

Чтобы стать воровом, имеющим авторитет, надо научиться воровать. Воровать так, чтобы не попадаться с первого раза. Иметь классификацию, соответствующую твоим возможностям.

Валере всегда нравились слесарные работы. Скорее, это от отца перешло. Поэтому, освоившись из малолетки, он сразу переqualificировался на замки, изучая тайны, хранящиеся в них, подбирая нужные отмычки. Труд всегда приносит плоды. Юный Валера в свои неполные семнадцать лет мог открывать любые замки отечественного производства. Но на этом он не

остановился. Ему нужны были более крупные масштабы, он хотел научиться вскрывать сейфы. Благо нашлись друзья, которые оказали ему услугу за небольшой магарыч. Первый крупный налет со вскрытием сейфа он совершил в центральный универмаг города только потому, что хотел добиться своей цели – достичь желаемых результатов.

Молодой врач, окончив вуз, хочет стать главврачом и защитить диссертацию, сделать карьеру, автослесарь при желании, закончив техникум, продвигается к креслу завгара, у идейного же медвежатника, уважающего свои принципы, целью является банк, откуда срывается куш, определяющий способности вора. С такими намерениями Валера готовил грандиозный план по обчистке Сбербанка, но по молодости лет и нехватке опыта загремел на следующий срок с отбыванием наказания в ИТК строгого режима.

Пахан блатных по кличке Козырь, узнав, что Валера «чалит» срок за хищение государственного имущества с проникновением в помещение, забрал его под свое крыло.

– Из тебя, Пустой, со временем выйдет хороший вор. Ты чтишь наши понятия, – говорил ему Козырь в дни откровения. – Как гласит наш закон? Долго не задерживаться на воле. Ты думаешь, это правильно? Вряд ли наши основоположники здесь не допустили ошибку. Вот я считаю, – тыкая пальцем в грудь, настойчиво объяснял Козырь, – что хорош тот вор, который, воруя во имя общака, не попадает в сети «казаков» и больше задерживается на воле. Но, увы, как коммунисты и «комсюки» соблюдают свою конституцию, так и мы поперек своих законов не встаем.

Много передряг пережил Валера после этих слов, но честь вора для него всегда оставалась превыше всего, как красный флаг у фанатов-коммунистов.

Со второго срока Валера вышел повзрослевшим и опытным вором, надежда взять банк его не оставляла. Родители с его походами за колючку смирились, и возвращение сына отметили подобающим образом, собрав немногочисленную родню. Мать, вытирая слезы, сказала тост: «Чтобы наконец наш блудный и единственный сын одумался и встал на путь исправления, не принося нам на старости лет больше печали в доме». Речь матери сильно расстроила Валеру, но виду он старался не подавать.

– Ты, мать, права, – взял слово отец. – Мы воспитали сына, как могли. У каждого своя дорога. Если он выбрал этот путь, я не осуждаю. Пусть только всегда будет человеком и не забывает мать. Человек, дорожающий своей матерью, – настоящий человек с большой буквы. Увлечения бывают разные. Кому-то нравится лечить, кому-то летать, кому-то строить, а кому-то воровать. На этом построен мир.

– Ты, отец, хочешь, чтобы наш сын всю жизнь просидел в тюрьме? – перебила его взволнованная мать.

– В тюрьме тоже люди, и живут некоторые там не хуже нашего с тобой. Если он выбрал эту дорогу, пусть идет по ней. Перевоспитывать надо было раньше.

На этот раз он готовился основательно, заранее разработав и учтя все детали, не упуская ничего. Банк, который решил брать, находился на примете давно. Но нужен был человек, работающий именно там, знающий обстановку, расположение сейфов и сигнализации. Выбор пал на молодую экономистку операционного зала Елену Орлову. С ней и нужно было завязать знакомство, с тем чтобы выудить интересующую информацию.

Елена Орлова двадцати трех лет отроду, закончив финансово-экономический институт, поступила в этот банк по направлению. Единственная дочь состоятельных родителей, красавицей она не считалась, но фигурой, слава богу, была не обижена. Постоянного друга у нее не существовало. В институте и после него «своего принца» она не встретила. Правда, в десятом классе влюбилась в учителя физкультуры, молодого парня с накачанными мускулами, приехавшего откуда-то из Украины. Но любовь оказалась безответной, приносящей одни страдания. Подойти и сказать об этом учителю она не решалась, но тот сам стал замечать неравнодушие Елены к нему, и во время аттестационных экзаменов, пригласив к себе в кабинет в спортзале,

склонил ее к половому акту. Сделав это грязное дело, он стал избегать встреч с нею и, когда Елена поступила в финансово-экономический институт, то постепенно забыла о нем, уничтожив свою первую любовь.

Однажды она, как обычно, собралась с работы домой. Но, вспомнив, что звонила подруга и просила заехать помочь заказать платье в ателье, направилась к остановке автобуса в противоположную сторону. Около остановки крутились двое подвыпивших ребят.

– Глянь, Рыжий, – подошел к ней низкорослый крепыш с короткой стрижкой, кивнув своему другу, – какая деваха. А фигура! Класс! Просто обалдеть можно. Девушка, разрешите представиться: потомок Графа Шувала, Лев Поддувала, – и громко засмеялся, радуясь своей находчивости в остроумии.

Елена оглянулась вокруг. Недалеко стояли две женщины, о чем-то горячо разговаривая, да мужчина лет сорока в очках, сделавший вид, что ничего не замечает.

– Ну что, красотка, поедem с нами, – вмешался Рыжий, – познакомимся поближе, повеселимся всласть. Ты что, немая?

– Нет, – проговорила Елена сквозь слезы.

– А что тогда? Ехать не хочешь? Придется силком тащить, – Рыжий схватил ее за руки.

Елена хотела вырваться, но с другой стороны ее прижал крепыш, и она безмолвно заплакала.

– Ну что ты плачешь? Мы тебе больно не сделаем. Хотим наоборот, – но закончить Рыжий не успел. Сильная рука подошедшего сзади парня лет двадцати восьми крепко дернула его назад, разворачивая лицом к себе.

– Вы что это, фраера, к девушке пристаете? Или не обучены хорошим манерам? – зло произнес незнакомец, изучая наглуую рожу Рыжего.

– А ты, батек, кто будешь? – не растерялся Рыжий.

– Дед Мазай. Убирайтесь, пока я не рассердился.

– Плевали мы на твои угрозы! – произнес крепыш и выбросил левую руку вперед, целясь в переносицу незнакомца. Но тот ожидал удар, сделал шаг назад и правой ногой пнул крепыша меж ног. Завыв от боли, крепыш отскочил в сторону. Тем временем Рыжий успел напасть сзади и, обхватив правой рукой за шею, стал давить незнакомца назад. Подпрыгнув, тот перебросил через себя Рыжего и, придерживая левой рукой, ударил правой. Рыжий не стал подниматься, а отполз назад к крепышу. Заметив, что незнакомец не собирается дальше ничего предпринимать, он медленно встал и, схватив крепыша под руку, молча поволок его прочь от остановки вглубь дворов.

– Сильно испугались? – обратился незнакомец к съездившейся побледневшей Лене. Та вместо ответа только покачала головой. – Давайте лучше я вас провожу. Расслабьтесь, никто вас больше не посмеет обидеть. Меня зовут Валера.

– Лена!

– Вот и хорошо. Рад знакомству.

Вечером, возвращаясь домой, Валера подошел к стоящим около детской качели парням.

– Ну что, не сильно я вас, Рыжий?

– С такими штучками ты меня скоро импотентом сделаешь, – ответил за него крепыш, – мог бы поаккуратнее.

– Ничего, возьмешу.

– Ключула хоть красотка-то?

– А как же. Верный путь знакомства выбрали, как в индийском кино.

– Мы, значит, в роли злодеев. А ты в роли Раджи, спасителя униженных и угнетенных? – вмешался Рыжий. – Зачем она тебе? Можно было подыскать и получше.

– Это вам знать ни к чему. Пойдемте лучше в кабак. Угощаю.

На другой день Валера ждал Елену недалеко от банка с цветами в руках. Она выскочила, заметив его из окна, не скрывая радости. Что-то в ее жизни изменилось в хорошую сторону. Наконец-то она встретила того, о ком мечтала. Мужчину сильного, способного защитить ее.

– Привет! – бросила она на ходу.

– Здравствуй, Лена. А это тебе, – протянул ей цветы Валера. – Я немного пораньше пришел.

– Я увидела из окна и тоже раньше вышла. Куда пойдём?

– Выбирай. Кино. Дискотека. Ресторан.

– Давай в ресторан, сто лет уже не была.

– Заметано. Едем.

В ресторане народу было немного. Официант, молодой парень, увидев Валеру, сразу подскочил:

– Здорово, Валера.

– Здравствуй, Сеня, – поздоровался он за руку с официантом. – Сделай нам все положенное.

– Что будете пить?

Он взглянул на Лену.

– Что будем пить? – та, улыбаясь, пожала плечами. – Тогда шампанское, водку и пиво.

– А тебя тут знают, – проговорила Лена, глядя вслед уходящему официанту.

– Да в одном дворе выросли, – отговорился Валера.

Вскоре появились музыканты, и народ в зале оживился. Официант долго не задержался.

На столе появились салаты и вторые блюда.

– Может, тебе тоже водку налить?

– Мне без разницы. Все равно я в винах не разбираюсь.

– Ну, тогда за тебя, – и, чокнувшись, опрокинул рюмку в рот. Лена последовала его примеру.

Жил Валера один, снимая однокомнатную квартиру недалеко от родителей. Водил туда только девок. Дружкам намеренно адреса не раскрывал, шумных веселий не устраивал, все в пределах дозволенного законодательством, ЖЭУ. Хорошо посидев и потанцевав, поддавшись уговорам Валеры и предварительно позвонив родителям, что, мол, ночевать, сегодня остаюсь у подружки, Лена с Валерой покинули ресторан.

Добрались на такси быстро. Поднявшись на лифте на нужный этаж, Валера, открыв ключом дверь, пропустил Лену, включил в прихожей свет.

– Проходи в зал. Осматривайся. Я что-нибудь выпить принесу.

В зале, кроме дивана-кровати, стенки и двух кресел, стоявших вдоль стен, имелся телевизор с видеком и музыкальный центр. На журнальном столике, находящемся в середине зала, валялись раскиданные детали нескольких замков.

– Увлекаешься замками? – спросила Лена у входящего с подносом в руках Валеры.

– Люблю ковыряться в таких вещах, – и, поставив на край столика поднос, Валера сгреб детали в целлофановый мешок и спрятал в бар.

– А чем ты, Валера, занимаешься?

– Товаровед я. На торговой базе работаю, – разливая водку в граненые рюмки, ответил он. – Может, лучше потанцуем? – добавил чуть позже, включая медленную музыку, и, поставив рюмку на столик, не дожидаясь ответа, схватил ее за талию, прижимая к себе, затем, целуя легонько в щеки, перебрался к сочным губам. Она не сопротивлялась. Не сопротивлялась, когда он, касаясь ее тела, снял с нее блузку, расстегивая возбужденными пальцами лифчик, не сопротивлялась, когда он, расстегнув ее джинсы, стянул их вниз, оставив в одних тоненьких трусиках. Наоборот, помогала ему расстегнуть и снять рубашку, расстегнуть и снять брюки,

оставив в одних плавках. Он не стал класть ее ни на диван, ни на кресло, а прижал к стене, крепко сжимая податливое тело.

В азарте страсти она не заметила, как они остались в одежде Адама и Евы. Не отрываясь от губ и лаская рукой груди, он стал искать вход вовнутрь возлюбленной. Неудачные попытки войти туда заставили ее взять бразды правления в свои руки и направить его в желаемую цель, одновременно прижимая Валерия к себе.

Елена цвела на глазах. Ежедневные походы в кино, на дискотеку, в рестораны стали для нее привычными, втягивали все больше и больше в ночную жизнь города, заканчиваясь в постели с Валерой. Возвращалась домой она часто только часа в два ночи или вообще не возвращалась. Родители забили тревогу. Начались скандалы. Но она прямо сказала: «Я не маленькая и попрекать меня не стоит. С человеком, с которым я дружу, я счастлива».

Однажды в воскресный день, накатавшись на водном велосипеде и накупавшись в глубоком озере на окраине города, Валера осторожно завел разговор в нужном русле.

– Слышь, Лен! Вот ты работаешь в банке, через тебя проходит куча бумаг, а деньги-то где находятся, ты знаешь?

– Почему же нет? Знаю. В огромном сейфе, в отдельной комнате с зарешеченными окнами, куда к окошку запускают строго по одному, и только кассиров, получающих деньги с производства.

– И комната эта, естественно, стоит на сигнализации?

– Не только эта комната, весь банк на сигнализации. А что это ты банком заинтересовался? Ограбить хочешь?

– Если сможешь.

– Ты серьезно? – удивленно посмотрев на Валеру, спросила она.

– А ты хочешь? – ответил он вопросом на вопрос.

– Это невозможно, Валера. При всем уважении и любви к тебе.

– Я романтик, ищущий всю жизнь приключений, мечтающий невозможное обратить в быль, любитель подвергаться опасности на каждом шагу. Почему же не рискнуть, заранее зная, где опасность?

– От меня-то чего хочешь?

– От тебя ничего. Я же не знал, что ты в банке работаешь. Как узнал, вот вопросы и лезут в голову.

С этого разговора прошло несколько дней, пока Валера не возобновил их, спрашивая напрямик:

– Лен, достань схему банка.

– Не буду я этого делать, Валера.

– Ну достань, ради нашей дружбы, долги у меня большие, если не отдам, то я не жилец.

– Какие долги, перед кем?

– Да перед картежниками, продул большую сумму. Клянусь, как расплачусь, поженимся. Ведь я люблю тебя.

– Я тебя тоже люблю, вот поэтому и боюсь. А если попадешься?

– Рассчитаем правильно – не попадусь! Это я обещаю.

Схема, сделанная Еленой на обыкновенном листе бумаги, через неделю лежала у Валеры на столе. Днем банк брать можно было только при разбойном нападении, с устранением охранника и захватом заложников, что не входило в его планы. Судя по всему, в банке постоянно дежурили три милиционера. Чтобы открыть замки сейфа, сфотографированные незаметно Еленой, требовалось не менее пятнадцати минут, плюс пять на замки, ведущие к сейфам, на них можно было подействовать отмычкой собственного изобретения. Замки английского производства со всеми прибабасами можно было вырезать только автогеном. Проблема встала и с сигнализацией, нейтрализовать которую требовалось в течение двадцати минут. Одному,

притом не засветив Елену, все это было не сделать. Нужен был поделщик. И он нашелся из числа старых корешей, проходивших по центральному универмагу. Это был Матюха.

Операцию под кодовым названием «Б» назначили на десять утра, когда наплывала основная масса обслуживаемых банком клиентов. И ровно в десять ноль-ноль к бюро пропусков подошел одетый в черные брюки и серый пиджак, с папкой под мышкой, мужчина лет тридцати и, поправляя очки под шляпой, назвавшись бухгалтером одного из предприятий, обслуживаемых банком, попросил вызвать экономиста, курирующего их расчетный счет. Елену вызвали. Получив временный пропуск по предъявленным документам на имя бухгалтера Панцера Аркадия Соломоновича, мужчина последовал за экономистом. Остановившись в операционном зале они не стали, а прошли по коридору прямо к отделам, где в закуточке находилась электрощитовая комната, закрытая снаружи накладным замком. Мужчина, поправив очки, вытащил из кармана отмычку и осторожно стал вскрывать дверь, подавшаюся незамедлительно. Сунув в руку временный пропуск стоящей рядом Елене, мужчина закрылся в щитовой. Через час Елена вынесла пропуск на выход и незаметно отдала ожидающему здесь Матюхе, одетому в черные брюки, серый пиджак, с папкой под мышкой и в очках под шляпой. Матюха по уходу Елены, потоптавшись минуту, подошел к бюро пропусков, протягивая временный пропуск. Женщина-вахтер, не разглядывая клиента, получила времянку и, посмотрев на номер, отдала удостоверение на имя Панцера Аркадия Соломоновича. А в обеденный перерыв Елена, достав из-под стола черную кожаную сумку, занесенную утром, понесла ее по коридору к электрощитовой, где, постучав условленным образом, передала саквояж в приоткрытую дверь и, повернувшись, ушла в операционный зал.

В конце дня охранники, проверяя, все ли двери закрыты, не забыли толкнуть и дверь электрощитовой, а удостоверившись, что все в порядке, залезли в свою комнату, находившуюся рядом с комнатой, оборудованной сейфом с двумя английскими замками, и раскинули на низеньком столике преферанс.

Валера, вытащив карманный фонарик, взглянул на циферблат часов. Было без двадцати два ночи. Пора было начинать. Открыв изнутри дверь электрощитовой, он достал из сумки завернутый в тряпку пистолет Макарова, натянул на голову маску, на руки – перчатки, захватил трое наручников, лейкопластырь и двинулся кошачьим шагом в сторону «караулки». Через открытую дверь было видно, что один охранник завалился спать, а двое других продолжали резаться в карты. Теперь все решали секунды. Малейшее замешательство могло дать охранникам возможность выхватить из висящих на поясе кобур пистолеты и расстрелять его в упор.

– Сидеть спокойно! Держите руки так, чтобы я их видел, – произнес он как можно тише. Охранники застыли.

– Ты, толстяк, встань! – продолжил он, обращаясь к охраннику, сидящему спиной, и выхватив у него из кобуры пистолет. – И закуй руки другу. Да без лишних движений!

Толстяк подобрал брошенные ему наручники и, зайдя за спину напарника, стал застегивать ему руки. Тот не сопротивлялся.

– А теперь закрой рот, – продолжал Валерий и бросил ему пластырь.

Закончив процедуру, вытирая вспотевший лоб, толстяк отошел в сторону, после чего Пустой, подойдя к закованному охраннику, вытащил у него пистолет и выбросил к дверям, отчего дрыхнувший охранник соскочил с топчана и, не разобрав ситуации, протянул руку к кобуре. Удар ногой, нанесенный в живот, отбросил его в сторону.

– Лежи смиренно, гаденыш, не показывай «жала»! Продырявлю без вопросов! – крикнул на него Пустой. И, добавив по темени рукояткой Макарова, вытащил из кобуры последний пистолет.

– Давай, толстый, работай дальше, – приказал он находившемуся в шоковом состоянии охраннику, показывая на стонущего от боли милиционера. – Держи наручники и пошевеливайся.

Закончив ту же процедуру, толстый посмотрел на грабителя.

– Поворачивайся, толстяк, поработал на славу, пора и награду примерить, – щелкнув за его спиной наручниками, захохотал Пустой. Сделав этот последний штрих, заклеив пластырем рот толстого, скинув их всех на пол и замотав вытащенной из-за пояса веревкой, Пустой посмотрел на часы. У него оставалось еще пять минут в запасе.

Матюха, за несколько дней до операции скорешившийся с электриками, дежурившими на городской подстанции, находясь в данное время у них в гостях, произнес очередной тост:

– Мужики! Я угощаю вас сегодня не потому, что мне не с кем выпить, а потому... – сделал он паузу под пристальным взглядом хозяев, – потому что вы друзья. За нашу дружбу!

Двое сидящих с ним электриков выпили залпом, не заметив, как Матюха опрокинул содержимое рюмки под стол. Потом пили за трудную жизнь электриков всего света, за опасности, подстерегающие их каждую минуту во время работы. Прозвучал тост и в честь Матюхи. Вспомнили и Юрия Гагарина – первого космонавта Советского Союза, не забывая его заслуг перед отечеством, перемыли кости давно умершему Ивану Грозному, убившему своего сына. Говорили долго, пока один из электриков не уткнулся лицом в стол, а другой не повалился навзничь на пол. Часы, сверенные с Пустым, показывали без двух минут два.

«Пора!» – и он поковылял в сторону трансформаторов, заранее выведав «у королей света» нужную линию. Когда секундная стрелка дошла до отметки двенадцать, Матюха потянул рубильник вниз.

Свет погас, как и условились с Матюхой, ровно в два ночи. Из принесенной с электроцитовой сумки Пустой вытащил необходимые отмычки и, светя карманным фонариком, открыл замок входной двери. Замок железной решетки поддался так же быстро, как и первый. Огромный сейф посередине комнаты стоял перед ним. Пустой почувствовал себя богатырем, собиравшимся сразиться с двуглавым драконом. Автоген импортного производства, доставшийся ему за большие деньги, прошел огненным клювом, начертив круг над обоими замками. Минут через десять, издав предсмертный скрип, дракон поддался. Пачки денег, аккуратно сложенные в стопку, перекечевали с полок в саквояж Пустого. Время поджимало.

Доехавший за двадцать минут с подстанции до банка на угнанном за день до операции «Москвичонке» с поддельными номерами и документами Матюха ожидал Пустого во дворе сзади банка. Он появился с главного входа, озираясь по сторонам, с баулом в руке. Света нигде не было.

«Да, не очухались еще электрона начальники, не сообразили, в чем дело, как и менты, не заславшие патрульные машины на объект».

Постояв и удостоверившись в отсутствии признаков опасности, обойдя банк, Пустой направился во двор к ожидающему Москвичонку.

– Держи сидор, Матюха, – проговорил он, садясь в машину. – Да «лавешки» не растеряй. Вези аккуратно.

– Все путем, можно выдохнуть, – отозвался поделльник.

– Не торопись. Сперва довези меня куда надо, – отрезал Пустой. «Москвичонок» тронулся со двора и, проехав несколько кварталов, остановился у пятиэтажной хрущевки.

– Машину поставь на место, номераними. Обеспечь себе алиби на всякий случай и пару дней не высывайся, пока не утрясется, – бросил напоследок Пустой и, захватив саквояж, поднялся на четвертый этаж заранее снятой однокомнатной квартиры.

* * *

Елена не смогла заснуть, прикорнула лишь под утро. Холодный душ взбудрил ее. Но мысли, крутящиеся в голове, не давали покоя.

«Что же теперь будет, если узнают, что я соучастница преступления? Получилось ли у ребят задуманное?» На все эти вопросы ответы она могла получить, только придя на работу. Возле входа у банка стояло несколько милицейских машин, что усилило ее внутренний страх. Банк напоминал муравейник. Все суетились, кого-то вызывали в охрану, кого-то – в отдел размещений кредитных ресурсов, где временно обосновались сотрудники уголовного розыска, ведущие расследование ограбления.

Дошла очередь и до Елены. Она, подавляя дрожь в теле, зашла в отдел. За столом сидел мужчина лет сорока пяти с черными усами и с обручальным кольцом на правой руке. Увидев, что девушка слегка перепугана, он, встав навстречу, посадил ее на стул, налил из графина стакан воды.

– Успокойтесь, Лена, так вас, по-моему, величают. Выпейте вот водички, – усаживаясь перед ней за столом и открывая папку, произнес он и, не услышав ответа, продолжил:

– Я вас долго не задержу, задам несколько вопросов и, если ваши ответы меня удовлетворят, отпущу. Мы просмотрели по книге пропусков всех клиентов, побывавших вчера. Так вот, среди них оказался некий Панцеров Аркадий Соломонович, выписавший временный пропуск взамен удостоверения, оказавшегося липовым. А Панцерову провели именно вы.

– Он же назвался бухгалтером предприятия, обслуживающегося у меня, – дрожащим голосом ответила Лена.

– Мы проверили и установили, что никакого Панцерову на этом предприятии не существовало. А раньше вы его видели?

– Нет.

– А как же вы его провели тогда?

– Ну, он назвал бухгалтера-кассира, оформляющего все платежки, и сказал, что ему нужно попасть в отдел размещения кредитных ресурсов по поводу кредита.

– И больше вы его не видели?

– Мельком увидела направившегося к выходу.

– А описать внешность сможете?

– Да, – замялась Елена, – не знаю даже. У меня на лица память плохая. Ну, в очках, с папкой, костюм вроде серый, среднего роста... – и пожала плечами, не зная, что дальше говорить.

– С работы вы домой поехали?

– Да.

– Ночевали дома?

– Да.

– Тогда все. Не смею больше задерживать. Появятся новые обстоятельства – я вас вызову.

* * *

Старшего следователя уголовного розыска по особо важным делам майора Вячеслава Моисеева разбудили в три часа ночи гудки непрерывно звонившего телефона. Недовольно буркнув «Я слушаю», он постарался выяснить у дежурного милиционера суть дела.

– Машину за мной отправили? – и, услышав утвердительный ответ, положил трубку.

Стараясь не разбудить жену, он оделся в темноте и, выйдя на кухню, поставил чайник. Из краткого объяснения дежурного он понял, что взяли один из городских банков, чего за двадцать с лишним лет службы в рядах правоохранительных органов он не припоминал.

«Волга» с милицейской мигалкой подъехала через двадцать минут. Не допив налитый чай, он вышел на улицу и, вдохнув запах раннего свежего утра, сел в машину. В отделении, куда его привезли, царил всеобщее оживление, поднявшее на ноги чуть ли не весь милицейский

состав. Начальник РОВД подполковник Рогожин встретил его в скверном настроении, кивком показывая на стул.

– Вот сволочи, а! Понимаешь, Вячеслав Владимирович, остался до пенсии год, и такой вот сюрприз! Эти долбаные охранники не смогли проверить помещение нормально. Все, говорят, закрыто было. А он в щитовой сидел, ждал, пока эти мудаки расслабятся. Всех троих обезоружил! Ладно еще догола не раздел. Выгоню к чертовой матери! Пусть на заводе пашут, раз охранять не могут.

– Следов никаких? – перебил его Моисеев.

– Работал профессионал, не за что зацепиться.

– Ну а со светом что?

– Ездили ребята. Там два электрика дежурных лыка не вяжут. Отправили в медвытрезвитель.

Разобравшись с делами в банке, Моисеев поехал допрашивать горе-электриков, успешных к этому времени очухаться.

– Рассказывайте: как умудрились целый район без света оставить? – заговорил он, располагаясь в кабинете начальника вытрезвителя, куда их привели.

– Че рассказывать-то? – ответил седовласый мужчина лет пятидесяти.

– Все по порядку и рассказывайте.

– Мы что-то, начальник, не смекаем, в чем нас обвиняют, – вмешался второй с выступающими скулами.

– Обвиняют вас в соучастии ограбления банка. Если сможете доказать, что это не так, – пожалуйста, пока есть возможность.

Седоволосый, не торопясь, боясь пропустить что-то важное, выложил все как на духу, тогда как второй, соглашаясь, кивал головой.

– Описать внешность его сможете? – спросил Моисеев, выслушав рассказ.

– Можем, – твердо ответил седоволосый.

– Поедете сейчас с лейтенантом. Он покажет вам, что делать, – вызывая опера в форме, закончил Моисеев.

К концу дня выяснились кое-какие интересные детали, оказавшиеся на столе у майора. Электрики признали в поившем их кореше гражданина Матвеева по кличке Матюха, чьи данные и фотография числились в милицейской картотеке. Он проходил когда-то по делу в Центральном Универмаге. Матюху взяли через два дня, но предъявить ему пока было нечего: не было ни малейших доказательств, ни малейших улик, разоблачавших его в соучастии в преступлении.

– Итак, гражданин Матвеев, – обращаясь по фамилии, продолжил допрос Моисеев, – спрашиваю вас еще раз: что вы делали в городской подстанции, когда напоили электриков?

– Я тоже был пьян, гражданин начальник. И поканал домой.

– Поканал, значит, домой? Так и запишем. Тут недавно мне сведения передали. Об освободившихся с мест лишения. Что же получается?

– Что, начальник? – весь во внимании вытянулся Матюха.

– Получается, что твой поделник по Центральному Универмагу Валера Пустовалов по кличке Пустой ныне пребывает в родном городе.

– А, по-вашему, он должен всю жизнь сидеть в тюрьме?

– Слушай, умник, – вскипел Моисеев, – тогда из-за возраста тебе дали немного, но сейчас ты не отвертись. Впаяем на полную катушку за хищение государственного имущества в особо крупных размерах.

– Что за бред, начальник, какое хищение, какое имущество? Сон, что ли, сегодня плохой вам приснился?

– Закройте его в камеру! Пусть подумает, – и, посмотрев вслед уходящему Матюхе, добавил: – Пока есть шанс.

* * *

Оставшись один, Пустой стал обдумывать последующие ходы. Едой он на неделю запасся, можно было не беспокоиться. Если по горячим следам его не возьмут, через неделю «прыть» ментов утихомирится, и дело пустят обычным ходом. Старый волк Моисеев все равно со временем его вычислит, он в этом не сомневался, только вот доказать вину Пустого ему не удастся, а на одних догадках дело не построишь, Матюха проверенный, не проболтается, лица его никто из охранников не видел, действовал он до конца в маске, отпечатков каких-либо не оставил. Единственное уязвимое место – Елена. Здесь промашка возможна. Надо срочно припрятать деньги и попробовать связаться с Леной. Если Моисеев около нее кружится, значит, что-то прощупал, зря он этого делать не станет. Он волчара тертый, профи в своем деле. Лена с ним долго не продержится, проговорится. Этого нельзя допустить.

* * *

Старший следователь уголовного розыска по особо важным делам майор Моисеев Вячеслав Владимирович вел свою работу как профессиональный картежник, знавший все способы, чтобы сорвать куш.

За годы службы в рядах доблестной Советской милиции его несколько раз понижали в звании из-за халатного отношения к службе, переводя в простые оперы. Несмотря на это Моисеев всегда знал наперед, когда нужно раскрывать карту перед начальством, чтобы то могло учесть его заслуги, а когда, наоборот, спрятать ее, используя все возможные ухищрения, ради собственных интересов или для другого случая при раскрытии дел. Как розысника сослуживцы его уважали, а как человека иногда не понимали. Моисеев старался защищать идейных воров, живущих по понятиям, объясняя тем, что они создали свою систему, противоположную нашему обществу, и скрыто борются за нее, веря в правоту своих идей. Он люто ненавидел убийц и насильников. Дела таких преступников, попадавшие к нему, он раскрывал в кратчайшие сроки, считая, что они заслуживают лишь наказания смертью.

На разгадку ребуса с ограблением банка ему потребовалось два дня. К этой разгадке он пришел, проверив все связи Елены. Как и предполагал Пустой, Лена напора со стороны Моисеева не выдержала. Майор не стал вызывать ее к себе, а в обеденный перерыв сам явился в банк, пригласив ее прогуляться.

– Скажите, Лена, вы любили Валеру? – задал он вопрос в лоб. Она замешкалась, не зная, что ответить.

– Да вы не суетитесь, я все про вас знаю, поспрашивал на досуге ваших подруг и выяснил, что помогли ему ограбить банк именно вы.

– Что мне за это будет? – только и смогла спросить Лена.

– Сначала выслушай внимательно, что я скажу. Валера Пустовалов – вор. Вор опытный, профессиональный. С ограблением банка статус его еще больше вырастет. Денежки, которые сейчас у него, он не вернет, если даже мы его посадим. Знает, что улик против него у нас нет, одни догадки, знает он и то, что, выйди мы на тебя, ты расколешься, и постарается что-нибудь предпринять.

– Что вы имеете в виду?

– Имею в виду, что он может пойти на все.

– Даже убить?! – расширила она глаза от ужаса.

– Не исключено, хотя сам он этого делать не станет, для таких грязных дел люди всегда найдутся. Я договорился с управляющим банка, чтобы тебе дали отпуск на десять дней за свой счет. Родителям позвони и объясни, что тебя якобы срочно командируют по работе. А на самом деле пойдешь прямо сейчас в районный центр по моему адресу. Тебя встретят.

* * *

Через три дня заточения Пустой все же решил сделать вылазку. Риск был немалый. Так ведь его жизнь и состояла из сплошных рисков, без них он не представлял своего существования. «В первую очередь надо связаться с Леной, если ее не перехватил Моисеев». Пустой знал, что майор – жук еще тот, профессионал, каких мало, но и про его принципы в отношении к вора́м был наслышан.

«Связаться с Леной нужно попробовать самому, доверять кому-то не следует. Если даже ее взяли и раскололи, уходить в бега не стоит. Лучше отсидеть уж положенное и, вернувшись, спокойно транжирить “капусту”, не оглядываясь на каждый шорох за спиной».

В пять часов вечера, забрав сумку с деньгами, он отправился на заброшенную стройку, где надежно их спрятал. Лену встретить решил у подъезда ее дома, опасаясь засветиться у банка, и к шести вечера добрался до знакомого подъезда. Оперов, сидящих в стареньком желтом «жигуленке», он не заметил, хотя и почувствовал какую-то тревогу. Дальше все произошло мгновенно. Из тронувшегося с места «жигуленка» на ходу из двух дверей выскочили крепкие ребята и, не дав Пустому опомниться, повалили его на землю, защелкнув за спиной наручники.

– Итак, гражданин Пустовалов, – заговорил на допросе Моисеев, вызвав его под конвоем в кабинет следователя, – все карты раскрыты. Где деньги? А?! Пустой.

– Какие деньги, гражданин начальник? – сделал удивленное лицо Валерий.

– Значит, решил комедию ломать? Лена, к твоему сведению, у меня. И спрятана надежно. У тебя есть шанс. В попятную идти не советую. Свидетельских показаний Лены, уличающих твои действия в банке, хватит для того, чтобы упрятать тебя по максимуму. А ее я отмажу, в крайнем случае дадут условные.

– Я что-то никак в толк не возьму ваш разговор, Вячеслав Владимирович, – сменив тон, ответил Пустой.

– А веду я к тому, Валера, что деньги, спрятанные тобой, могут за время твоего долгого отсутствия сгнить. Или попасть случайно нашедшему в лапы. Поделись, Пустой.

– Чем? – удивленно взглянул тот на Моисеева.

– Тридцатью процентами от суммы, которую унес из банка, и я построю дело так, что останешься на свободе.

– А какие гарантии, что не надуешь?

– Гарантий, Валера, нет. Я отпущу тебя, сославшись на нехватку доказательств. А ты принесешь деньги, тридцать процентов, на условленное место.

– А если я смогаюсь?

– Объявим всесоюзный розыск, и будешь ты, как лиса, прятаться от каждого человека, видя в них оперов, до тех пор, пока не попадешься. Такая вот перспектива.

– Не многовато ли тридцать процентов?

– В аккурат, чтоб купить свободу.

Пустого выпустили на другой день после разговора с Моисеевым. Положиться на него он мог. Слов на ветер майор не бросал. Недаром среди воров ходил слухок, что он строг, но справедлив, и с ним они старались считаться, видя в нем настоящего мента. Убедившись, что слежки за ним нет, что майор ведет честную игру, он направился к стройке, откопал деньги, переложил оговоренную сумму в рюкзак и, выкурив сигарету, спрятал черную сумку обратно на то же место. На железнодорожном вокзале, пройдя в камеру хранения, подошел к десятой

ячейке и, удостоверившись, что она пуста, бросил рюкзак вовнутрь, набрав осевший в мозгах шифр.

Мужчина в кожаном плаще и в сапогах, с виду грибник, наблюдавший за парнем, удалявшимся от камер хранения, медленно спустился по лестнице и, не заметив ничего подозрительного, побрел в ряды камерных секций. Здесь, набрав шифр в десятой камере, он открыл ее, проверил содержимое рюкзака, закинул его на спину, вышел на перрон и сел на отправляющуюся электричку. Вячеслав Владимирович Моисеев ехал на дачу. С рюкзака, находившегося рядом с ним, он не спускал теперь глаз, с трудом веря, что теперь эти деньги принадлежат ему.

«Все, покантуюсь еще месяца два для отвода глаз и уйду на законную пенсию. С этими бабками я старость себе обеспечил. Пустого я отмажу, как договорились. А вот Матюхе за хулиганские действия придется пару лет попытеть на “дядю”. Все же что-то надо показать. Завтра придется позвонить брату в район, пусть Елену отправляет домой. Скоро само собой все уляжется и дело о банке утихнет, как и остальные закинутые в архив нераскрытые преступления».

С тех пор утекло немало воды. Но Пустому, прошедшему за вскрытие сейфов еще не раз через тюрьмы и лагеря по пути к статусу законника, этот случай сильно запомнился. Моисеев, сдержав слово, испарился, сошел, как говорится, со сцены. О нем он больше не слышал. Лена, узнав правду о его чувствах, построенных на обмане, вышла замуж за городского интеллигентного парня и сейчас воспитывает двоих детей. Матюха освободился, отсидев два года, и вновь исправно трудится на выбранном пути, делая очередные ходки.

* * *

Олег с Фаном добрались до Усть-Неры без приключений и, сняв комнатку у одной пожилой женщины, стали искать скупщиков золота. Молодой чеченец, на кого они вышли, стоял на лестничной площадке местной одноэтажной гостиницы.

– Здорово, браток, – поздоровался Олег, подымаясь к нему, на что тот кивнул головой в знак приветствия. – Рыжевьё кое-какое имеется. Интересна не имеешь?

– А как вы меня нашли? – спросил в ответ чеченец.

– По слухам, брат. Город-то небольшой. Так что не бойсь. Нам «лавешки» нужны. На материк хотим слетать, погостить чуток.

– И много у вас?

– С килограмм найдем.

– Подходите сюда через час вместе с рыжевьём, – и он, спустившись с крыльца, не оборачиваясь, направился в сторону центра.

– Не жалко тебе по такой цене отдавать? – спросил Федя, когда они остались одни.

– Жалко, но на дорогу и на первое время «лавешки» где возьмешь? Да хватит нам рыжевьё, не расстраивайся. Со следующего мая вернемся, чтоб намыть новую партию. Главное сейчас – доехать. Пойдем лучше принесем рыжевьё.

Чеченец вернулся, как и обещал, через час, вместе с сопровождавшим его верзилкой, тоже похожим на чеченца. Проверив качество и взвесив на карманных весах с аптечной точностью золото, скупщики отсчитали купюры и, передав Олегу, попрощались.

– Ну что, Фан, спрячем амуницию, стволы и в путь?

– На самолет, что ли?

– Нет, так дело не пойдет. Добираться будем на «Уралах». У водителей-транзитников тут есть свой постоянный двор, где они собираются со всей Колымы. Если повезет, за хороший куш без пересадки домчат до железки.

Как и предполагал Олег, им повезло. Два «Урала» с прицепами возвращались с Белой Горы в Нуренгри, остановившись в Усть-Нере на ночевку. Водители, узнав сумму проездного, без промедления согласились.

– За такие бабки могли бы и на самолете лететь. Обычно с нами ездят, у кого с этим туго, – сказал, один из них шутя, назвавшийся Петром.

– Да вон Фана в воздухе постоянно укачивает, а я уж с ним на пару, – отговорился Олег, заранее придумав, что будет говорить в случае такого вопроса.

На Севере основной транспорт по доставке грузов – большегрузные «Уралы» высокой проходимости. Ездят они постоянно на пару, так как здешним транспортным предприятиям не разрешено выпускать их по одному на дальние рейсы из-за опасностей в пути, особенно зимой и в дождливую погоду. Но, как бы там ни было, несмотря на все трудности, водители на Севере работали и работают, пусть и срываясь со склонов, пусть и утопая в холодных реках вместе с провалившимися машинами.

Собравшись утром, разделив снова золото на две части, запрятав его в заранее купленные новенькие баулы, Олег с Федькой отправились на место стоянки «Уралов». Долго ждать водителей не пришлось. Уже через полчаса они сели на машины и, помолясь, двинулись в путь. Первую машину, куда сел Олег, вел казах лет тридцати пяти по имени Алтын, что в переводе на русский язык означало «золото».

– Что, Олег, рано навострил лыжи, надоело работать или работы нет?

– Да и то, и другое, мы же шабашничали. Получили деньги и опять в дорогу. Романтика!

– Сейчас куда?

– На Камчатку нацелились, на рыбный промысел.

– А чего не через Сусуман поехали?

– Там же погранзона. Вдруг не пропустят.

«Уралы», ревя моторами, медленно поднимались на крутой склон, словно ползущая змея, вышедшая на охоту. Выскочивший откуда-то из-за огромного валуна дикий олень, играя большими рогами, пробежал недалеко от машины и спрятался за выступом склона.

– Черт! Ружье отдал в ремонт! – с досадой вскрикнул Алтын. – Всегда так. Тот раз ехал тоже без ружья – медведя встретил. Огромнейший, аж жуть берет! Не попадались вам? – глянул он в сторону Олега. Тот помотал головой. – А знаешь, якутки, когда в лес идут за ягодами, пуговицы платья всегда расстегнутыми держат.

– Зачем это? Чтобы геологу легче было их раздевать? – пошутил Олег.

– Да нет, – не обращая внимания на насмешливый тон Олега, продолжал Алтын. – Медведь, говорят, не трогает голых женщин, хотя недавно около Хандыги медведица задрала беременную женщину. Может, та не успела раздеться, не знаю. Но бабу жалко, конечно.

Так, травя северные байки и ночуя в перевалочных домиках, расположенных по пути на трассах, они доехали до Нерюнгри.

Билет на поезд Нерюнгри – Москва, отправляющийся на другой день согласно расписанию, купили сразу по приезду. Устроившись после долгой мучительной дороги в гостинице, собрались вечером посетить местный кабак. Свободных столиков, готовых принять гостей, было достаточно. В составе посетителей были в основном мужчины, и лишь в углу около подиума музыкантов один столик занимала парочка молодых девушек, не обращающих ни на кого внимания. Официант без задержки обслужил столик Олега и Федьки, доставив заказанное. Пропущенные пара рюмок водки заиграли в животе, постепенно увеличивая скорость движения крови по жилам и туманя мозговые извилины. Появившиеся музыканты, судорожно дергаясь, открыли «Фестиваль кабака» и, спев несколько песен, объявили певицу Анжелику, после чего одна из сидевших около сцены дам предстала перед небольшой аудиторией, вытягивая медленную песню.

– Пойду-ка приглашу вон ту блондинку, чувствую, скучает без подруги, – и Олег, встав с места, направился к столику, где сидела подруга певицы. Противиться блондинка не стала, наоборот, охотно станцевала с незнакомцем, прижавшись к нему всем телом. Галантно проводив даму до столика, Олег вернулся на место. За ним следом подошел парень лет двадцати пяти, среднего роста, завидного телосложения, с короткой стрижкой и, нависнув с грозным видом над столиком, внятно, делая ударение на каждом слове, обратился к Олегу:

– Слышь, фраерок! Эта телка наша. Не хочешь неприятностей – оставь ее, – и, не получив ответа, беззвучно удалился с чувством выполненного долга.

– Да, – протянул Олег, – шустрый малый. Надо проверить, подойдет еще раз или нет.

– Бодаться хочется? – улыбаясь, проговорил Федя. – Иди. Ставлю столярник, что подойдет к нам.

– А я говорю нет, – возразил Олег и, услышав звук медленной музыки, направился к даме, скучающей в ожидании подружки, на ходу перекладывая «шпагу», которую по привычке всегда таскал с собой, из коробки со спичками в карман брюк.

– Тебе что-нибудь сказал тот паренек обо мне? – спросила блондинка, прижимаясь к уху Олега, танцуя в такт музыке.

– Да он просто без ума от тебя и попросил об этом передать.

– Ты серьезно?

– Серьезнее не бывает.

– Как они мне тут все надоели со своими прибабасами! Глянь, опять идет, – показала она на направляющегося к ним культуриста. – Тебе лучше уйти, он не один, вот и ерепенится. Ни себе, ни другим!

– Я вижу, ты не понял, залетный, – перебил блондинку культурист. – Отпусти ее.

– Слушай, дятел, придержи баритон для другого случая. Давеча я тебе спустил, не желая портить аппетит корешу... – договорить Олег не успел. Культурист отдернул блондинку в сторону и замахнулся для удара на Олега. Тот, уклоняясь, нагнулся, вытащил «шпагу» и, зажав между пальцами, полоснул нападавшего по щеке. Блондинка закричала. Трое ребят, подбежавшие из-за стола культуриста, столпились возле него, схватившегося за щеку, придерживающего растекающуюся кровь.

– Кто-то хочет еще попробовать? – глядя на уставившихся ребят, процедил Олег, играя челюстью. – Сопли подберите, сосунки, прежде чем гавкать, – и, пятясь назад, пошел к выходу.

– Извини, Фан, что испортил ужин, надо чухать отсюда, пока не наехали «казаки», хотел потрахаться, да боком вышло. А столярник ты проиграл.

– Как проиграл? – недоуменно спросил Федька. – Подошел же он все-таки.

– Ну не к столику же.

На другой день поезд умчал их по московскому направлению в купейном вагоне, выкупленном на двоих. Доехав до родного города Олега, первым делом они сдали в камеру хранения ценный груз и, проведав родителей, ударились в поиски жилья для Феди, хотя мать настаивала оставить его пожить у них.

– Мать! Он приехал не на десять дней, не на месяц, а почти на год, так что по горло может надоест вам, – отрезал Олег.

Однокомнатную квартиру с телефоном сняли недалеко от Олежакиного дома и сразу решили оторваться, пригласив двух бывших знакомых Олега – Олю и Наташу. Родители, правда, огорчились, что сын в первый же день не хочет ночевать дома, но, зная его непокорность, смирились.

Гудели на славу, меняя подруг, затаскивая их кто в ванную, кто на кухню, потом снова собираясь в зале для общего веселья. Долгая разлука с женщинами давала о себе знать. Уже под утро, когда пьяные от выпитого вина и усталые от сексуальных атак девушки спали, а между

ними мирно дремал Фан, Олег растянулся в отдельной кровати и, сладко выспавшись в течение дня, решил проверить каналы сбыта, предварительно обдуманые до приезда.

* * *

Вечера стали холодными. Осенний дождь моросил, оmyвая асфальт и стекая в ливневые люки. Человек, шедший по тротуару, обходя лужи, прикрытый зонтом, никуда не спешил. Дожливую погоду Василий Николаевич Синицын обожал больше всего. В такую погоду зарождались гениальные мысли, благодаря которым он твердо стоял на земле, куда он был послан богом, в качестве ювелирных дел мастера. Изделия, сделанные из дорогих камней, с детства восхищали его, с возрастом превратив в истинного знатока, умельца тонкой профессии. Мастерская, которой он заведовал, официально занималась обычным ремонтом и переплавкой мелких золотых изделий. В расположенных на первом этаже десятиэтажного дома нескольких просторных комнатах работало пять человек исключительно мужского пола. Кроме этих людей, без специального разрешения сюда пройти не мог никто. Помещение стояло под сигнализацией в отделе охраны РОВД. Кабинет, отведенный Василию Николаевичу, располагался рядом с цехом, напоминающим небольшой заводик, где трудились ювелиры, за которыми он мог наблюдать через глазок, прикрытый картиной. У входа в цех установили обнаружитель золота на тот случай, если кто-то из ювелиров захочет быстро разбогатеть. Иногда, по поступлении новой партии золота, ювелиры работали, не покладая рук, отливая украшения по специальным образцам, после чего человек, приехавший на черной «Волге» с двумя телохранителями, увозил готовую продукцию в саквояже. Все пять ювелиров были хорошо проверенными рекомендованными людьми, и никто из них лишних вопросов не задавал, получая за труд солидную зарплату, а при внеплановых заказах – кругленькую премию лично из рук Василия Николаевича. Никто из живущих в рядом стоящих домах и шастающих вокруг не догадывался и не мог представить, что в этой скромной мастерской располагался подпольный цех по изготовлению ювелирных изделий из золота высшей пробы.

Когда-то, в 70-х годах, еще молодой Василий Николаевич, работая простым ювелиром, услышал от приехавшего к отцу его родного брата из сибирских лесов историю о пропаже в тех краях вертолета с ящиками золота на борту. Тогда-то при виде из окна морозящего дождя и родилась первая гениальная мысль. Долго уговаривать дядю взять его с собой для ознакомления с Сибирью не пришлось. Получив благословение отца с матерью, он охотно согласился, обещав выдать племяннику ружье и обучить его стрельбе с последующим выходом на охоту. Дядя работал в таежном леспромхозе начальником автохозяйства. Жил он один, оставив жену и дочку в подмосковном городке вместе с квартирой, где его благоверная, не мыкаясь долго страданиями разлуки, вышла замуж за подвернувшегося хахала. Одиночество не развалило дядю, а наоборот, открыло у него второе дыхание. Домик, где он обитал в гордом одиночестве, поразил Василия чистотой и убранностью, что самому ему давалось не очень легко. Дядя уходил на работу спозаранку, предоставляя ему полную свободу действия. Наслаждаться красотой тайги Василий не собирался, ему было нужно получить как можно больше информации о пропавшем вертолете, в существовании которого он не сомневался: «Раз пропал где-то здесь, значит, здесь и должен быть, не вертолет, так его остатки. Надо спрашивать охотников, те-то наверняка в курсе такого события».

С этими намерениями он отправился в местный магазин. Около магазина на лавочке сидели трое бородатых мужчин.

– Здравствуйте, – сказал Василий, подходя к ним. – Скажите, у вас в магазине водка есть?

– А ты что, приезжий будешь? – заговорил один из них. – У нас тут для кого есть, для кого нет. В рабочее время продавать спиртное не положено. Ты на работу устраиваешься или гостишь у кого?

– К дяде, Сеницыну Кириллу, я приехал.

– Знаем такого, – дружно закивали мужики.

– Может, я возьму белоголовую? Скучно одному, слоняюсь с утра, не зная, чем заняться, – предложил Василий.

– Коль такой добрый, мы не откажемся.

Продавщица, пожилая женщина, не расспрашивая и не устраивая допроса: «Почему, мол, не на работе», или признав в нем чужака, сразу передала Василию взамен красной десятки две бутылки водки. Обрадовавшись такому повороту обстоятельств, бородачи, разъяснив, где лучше пьется в это время суток, повели его вдоль домов к опушке леса. Здесь один из бородачей, разложив инвентарь в виде складного стаканчика, находившегося всегда в кармане, для таких неожиданных случаев и куска черствого хлеба, открыл бутылку и начал разливать, стараясь не переливать за края.

– Ну, за знакомство! – схватив протянутый стакан, залпом выпил Сеницын, нюхая черствый хлеб. – Я Василий.

Бородач, что был выше всех, назвался Егором. Второй, с брюхом, свисающим аж через штанины, оказался Федотом, а третий – здоровенный, крепкий, с твердым взглядом на жизнь, со свежей молодой бородой – Захаром. После очередного круга сто пятьдесят граммового стаканчика заметно охмелевшие бородачи заговорили на все темы, касающиеся жизни и быта.

– Мужики, а правда, что у вас недавно вертолет с золотом сгинул? – перевел разговор в нужное русло Василий.

– Был случай! – подхватил Егор. – Охотился я тогда около Белогорска на медведя. Зимник у меня там стоит. Сам видел, как вертолет пролетел, точно в тот день, когда потом пошли слухи о его исчезновении.

– Откуда он направлялся?

– В верховьях реки Кия есть места, где работают артельщики. Вертолет-то был военным. Вот! Далее он следовал к реке Урюп, недалеко от Тисуля, за таким же грузом, чтобы потом вылететь в Новосибирск, – пропустив еще стаканчик, продолжил Егор, не закусывая и не заюхивая. – Артельщики около Урюпа вертолета не дождались. Там у меня работает кум. Говорит, такой шухер устроили грандиозный! Аж из Москвы военные вертолеты рыскали по тайге. Да без толку. Отправили солдат на тягачах да на «Уралах» прочесать весь участок пути вертолета. Так разве найдут. Там кругом болота.

– Золота много было на борту, никто не знает? – поинтересовался Василий.

– Килограммов сто, не меньше, – вмешался Захар, – по мелочам они не летают.

– Да неужели никто из вас не попробовал попытать счастья? Вы места знаете прекрасно, старожилы, можно сказать, – взволнованно спросил Василий. – Тем более, Егор, ты сам видел вертолет. Может, он недалеко от твоего зимника и бухнулся?

– Попытать счастья, говоришь! Для Федота вон счастье, – продолжал Егор, показывая в сторону дремавшего толстяка, – как достать выпить. Утром Федота встретишь – он ищет, в обед встретишь – ищет, вечером – ищет, ночью – тоже ищет. Плевать хотел он на золото. И остальные тоже заняты лишь своими заботами.

Допив за дискуссией о вертолете вторую бутылку, растормошив задремавшего Федота, отправились по домам. Услышанное от мужиков еще сильнее усилило стремление Василия ринуться на поиски потерявшегося вертолета. Но одному тайгу не одолеть. Надо уговорить во что бы то ни стало Егора, он мужик вроде надежный, вдруг согласится. На другой день, остыв от вчерашнего накала, он побрел искать Егора. Тот стоял около своей калитки и смачно, с глубокими затяжками курил «Беломорканал».

– Что, отошел со вчерашнего? – здороваясь за руку, встретил его Егор.

– Да жутковато еще. Закурить, что ли, – протягивая руку за пачкой, вытасченной Егором, произнес Василий. – Ты разговор-то вчерашний помнишь?

- А что, чего-то не то сказал?
- Сказал ты все то, даже более. Обмозговать бы историю с вертолетом, говорю.
- А, вон ты про что! Лихорадить начинает от рыжевья? Пройдет со временем. Не пройдет
- иди в артель. Может, и для себя намоешь втихую.
- Зря шутишь. Дело-то верное.
- Откуда ты знаешь, что верное?
- Испортиться же золото не могло. Солдатам-то что, они быстренько пробежались да скорее в казарму. Интересы не было. Не для себя искали, а для «дяди» генерала, чтобы тот мог похвастать перед маршалом и генсеком. Отсюда и результат.

Егор задумался. Закурил еще одну папиросу.

– Есть у нас тут один бурят. Зовут Бимба. Травы увлекается. Знахарь, одним словом. Вот он бы мог все болота показать. Все кочки изучил, наверное, здесь. Давно живет. Из-за каких-то родственных отношений ушел с родины. Сказывали, будто влюбился в жену брата, да и та «коза» вроде не прочь была поиметь его. Словом, застукал их брат с голыми задницами да прибил обоих. С тех пор, скрываясь от позора, и перекочевал он из Бурятии к нам. У него хибара прямо в лесу, километрах в пяти отсюда. Отшельником живет. Я часто заглядываю к нему. Добрый старичок, и настой у него хороший. Понимаешь, ни сахара, ни дрожжей, из чистой травы делает. Охереть можно! А бьет по мозгам не хуже спирта и чачи, – и, закулив еще папироску, азартно продолжил: – Налил мне однажды полную кружку. Пей, говорит. Усталость снимет. Ну, я и выпил. И через пять минут отрубился. Ничего не помню. Вот-вот, и ты смеешься, а дело было. Надо проведать его, я иногда ему продукты подбрасываю, может, что скажет о вертолете, – и, повернувшись, пошел к дому. – Ружье захвачу, а то мало ли чего, тайга все-таки.

Шли пешком, пробираясь между здоровенных сосен, едва пропускающих свет солнца. Хибара Бимбы была сложена из толстых сосновых бревен, сверху покрытых толем, и обнесена невысоким заборчиком из стволов крупных веток, с калиткой, привязанной проволокой. Сам Бимба, старичок с седыми волосами и с редкой бородой такого же цвета, копошился на лавочке перед хибарой, плетя корзину. Увидев непрошенных гостей, отворяющих калитку, он приподнял голову и прищурился.

– Здорово, Бимба! – крикнул Егор так, что птицы взмыли в небо.

– Тише ты, всю живность распугаешь! Они у меня единственные друзья на этом свете, – и, поздоровавшись с гостями, старик отложил незаконченную корзину. – Что, Егор, поохотиться решил? – показывая на ствол с обшарпанным прикладом, оскалился он.

– Да нет, Бимба. По делу я к тебе, – уселся рядом на лавочке Егор.

– Заболел кто-то?

– С этим все в порядке.

– А какие еще могут быть ко мне дела?

– Ты про вертолет слыхал?

– Обижаешь. Я же в тайге живу. Все, что происходит в ней, я обязан знать.

– И то, что вертолет был военный, тоже в курсе? – старик кивнул головой.

– А как считаешь, не здесь ли потерялся его след? Мы же посередине его маршрута сидим.

– Мы-то сидим, а вот где он сидит, неизвестно. Хочешь в болотах утонуть?

– Если с твоей помощью, не сгину. Ты же эти чертовы болота как свои пять пальцев знаешь, кроме тебя, там дорогу никто не найдет.

Старик довольно усмехнулся:

– Ладно. Я как раз собирался там кое-какие травы собрать, проведу и вас заодно, пошукать, может, чего и найдете.

– Может, угостишь на дорожку своим целебным настоем? А то вон Василий сомневается в его чудодейственной силе.

Старик снова усмехнулся, показывая свои гнилые желтые зубы. Пройдя в хибару, Егор с Василием сели за небольшой стол, сколоченный из досок, скинули рюкзак с ружьем на пол.

– Я тут тебе соли и хлеба прихватил из дома. Убери их, – обратился к старику Егор.

На столе появились две алюминиевые кружки, куда Бимба стал разливать настой.

– Хорош! – остановил старика Егор. – Мне хватит. Вон Василию можно.

Принюхавшись к аромату настоя, гости тихонько стали цедить его, пропуская сквозь зубы. Василий, вспомнив слова Егора, не стал рисковать и выпил только половину кружки.

– Что так, аль струхнул?

– Надо еще домой добраться, – оправдывался он.

– А-а, – протянул Егор, – поверил? Так-то, брат! – и, поблагодарив Бимбу, встал. – Смотри на рога не наткнись, – показал он на козу, мирно жевавшую в углу хибары, и, громко засмеявшись, прихватив ружье с пустым рюкзаком, направился к выходу.

Поход к болотам назначили на другой день. Получив разрешение от дяди, который хорошо знал Егора как заядлого и опытного охотника, затоварившись с расчетом на неделю припасами, ранним утром они отправились к Бимбе. Тот, не заставив себя долго ждать, закрыл козу на замок и присоединился к ним с длинной палкой в руках и сумой на спине.

Часа четыре шли без остановок. Несмотря на свой шестидесятитрехлетний возраст, Бимба шагал так быстро, что молодой Егор и совсем молоденький Василий заметно отставали от него. К исходу дня, пройдя приличное расстояние, остановились на ночлег в стоящем на пути зимнике. Разложив костер, подогрели тушенку, вскипятили чайник с водой и, плотно поев, повалились на топчаны, застланные старыми матрасами. Солнце едва поднялось над горизонтом, когда они покинули «стойбище». Но пришлось еще шагать и шагать, прежде чем перед ними открылось таинственное болото, хранящее в себе неотвратимую гибель. Здесь, поработав топорами, Егор и Василий обзавелись такими же, как у Бимбы, шестами.

– Держитесь след в след за мной, – сказал после небольшой инструкции старик, – иначе не миновать беды, – после чего, помолясь, они двинулись по болоту, непрерывно орудуя шестами. Пройдя километра три, вышли на небольшой островок.

– Островки-то побольше тут есть или все такие? – спросил Егор, растянувшись на траве.

– Были и побольше, – массируя ноги, ответил Бимба. – Я тут уже года три не бывал, – он зачерпнул прямо из болота воды, пожевал консервов с хлебом. – Ну, перекусили и будет. Надо идтить, нам еще километра четыре топать.

С передышками на малых островах к вечеру прошли положенные километры и оказались у цели. Остров, иногда навещаемый Бимбой в поисках редких трав, местами порос крупными соснами, взвившимися прямо в небеса. Осторожный старик соорудил здесь шалаш, существовавший и по сей день. Расположившись возле него, измученные путники снова разложили костер, напекли картошки, вскипятили чаю и, утолив голод и жажду, завалились спать.

– Этот-то остров большой? – спросил Егор, укладываясь на подстилку из лапника.

– За день не пересечь. А в километре от него, через болото, есть еще один такой же. Желание не пройдет – и туда проведу.

Утром, слегка позавтракав, Егор с Василием разошлись в разные стороны острова по кругу, договорившись встретиться посередине. Старик же отправился собирать знакомые только ему редкие травы.

Первый день поисков так ничего и не дал. Удрученные таким результатом, они вернулись к шалашу, где Бимба уже всю колдовал над костром, готовя ужин.

– Надо обшарить тот второй остров, здесь, похоже, ничего нет, – обратился к старику Егор.

– Учтите, там шалаша нет, если останемся, ночевать будем у костра, – предостерег Бимба любителей приключений.

– Да это не проблема. Проблема – как найти вертолет, – ответил ему Василий.

Утром следующего дня, собрав пожитки, захватив шесты, они снова двинулись в путь и оказались на втором, более крупном по размерам острове.

– Здесь будьте осторожней. И в середине острова есть такие места, где можно провалиться, – предупредил старик перед отправкой в разведку Егора и Василия.

Василий шел по левому краю острова, закинув за спину рюкзак и ружье и держа в руках шест, который старик посоветовал все же захватить. Ничего подозрительного пока не встретилось. Болото бурлило, испуская газы, пели птицы да иногда пробежали зайцы, попавшие сюда, видно, в зимнее время.

Пройдя километров пять по кругу, Василий свернул вглубь острова. И вдруг его словно дернуло током. Он встал как вкопанный. Впереди, устремив кабину вверх, как рыба, глотающая воздух, торчал вертолет с одной уцелевшей лопастью винта, успевшей от сырости обрасти мхом. Хвостовой части видно не было. Вертолет уперся ею в твердый грунт, выставив только переднюю часть с разбитыми стеклами. По краям его прикрывали небольшие сосны, что не давало возможности разглядеть сверху при поисковых работах.

«Лишь бы грязь не просочилась в салон, а под воду можно и нырнуть, – подумал Василий, радуясь удаче. – Но надо подождать Егора, одному опасно».

Появившийся Егор быстро перебрался на сторону Василия.

– Смотри, даже верхушки не задел при падении, как умудрился, а! – заговорил Егор. – Не думал, наверное, летун врезаться в болото, думал, здесь твердый грунт. Ну что, надо идти пошукать. Ружья и котомки оставим тут, – и, мяся под ногой слякоть, двинулся к вертолету. За ним след в след пошел Василий. Постучав шестом по кабине, они пробрались к окну, откуда можно было увидеть, что делается внутри. Останков человеческих тел ни в кабине, ни рядом не обнаружилось. Осторожно перебравшись через проем лобового стекла, оба залезли внутрь. Как и предполагал Василий, в салоне была вода.

– Мутная, зараза! – тыкая шестом, пробурчал Егор. – Придется нырять на ощупь. Давай веревку. Ты останешься наверху.

Раздевшись догола, обмотав за пояс веревку, Егор погрузился в воду.

Появился он спустя минуту и, набрав полную грудь воздуха, снова исчез, постепенно натягивая веревку за собой. Только с третьего раза удалось ему нащупать какой-то ящик и, обмотав его веревкой, дать команду Василию тянуть наверх. Заколоченный ящик с двумя ручками по бокам с трудом выволокли на поверхность. А когда отодрали край прибитой дощечки и заглянули вовнутрь, то убедились, что там золото.

За вторым ящиком полез Василий. Ему повезло больше, чем Егору, – ящик оказался недалеко. Его тоже подняли наверх.

– Надо их вынести на берег, а то затонут еще. Ищи потом заново. Вещи тоже захватим, на берегу оставим, – и, схватив один ящик, Егор двинулся к берегу. Чуть позади шел Василий, неся на горбу второй ящик. Бросив ношу и чуть передохнув, опасаясь наступления темноты, поспешили обратно. Но третий ящик не поддавался.

– На труп летуна или охранника наткнулся, – выкрикнул Василий, выныривая очередной раз, чтобы набрать в грудь воздуха.

– Ладно, вылезай, я попробую, – сказал Егор. – Правый край я полностью осмотрел, там все зажато. Левый край еще раз для верности пройду, потом вылезем, – и, обмотав себя веревкой, он погрузился в воду.

Вдруг вертолет, не выдержав движения на борту, стал тонуть. Василий дрожащими руками потянул за веревку, но Егор не отпускал, видимо, нащупав еще один ящик и не догадываясь, что вертолет идет на дно. Вода стремительно заливала кабину. Тогда Василий, не задумываясь, выпрыгнул через проем ветрового окна, не отпуская все же веревку в надежде, что Егор вылезет, и отбежал от вертолета ближе к берегу. Но грунт, на котором держалась железная машина, не выдержал, и вертолет вместе с не успевшим вылезти Егором стремительно пошел

вниз. Увидев, что машину полностью засасывает, Василий, бросив конец веревки, выскочил на берег и, схватившись за голову, упал на землю.

Так пролежал он до конца дня и, лишь когда окончательно стемнело, спрятал ящики за дерево, прикрыл их мхом и, забрав ружья и рюкзаки с провизией, отправился к месту, где должен был ждать их Бимба. Старик, расположившись возле костра, успел задремать, но, услышав шорох, приподнялся:

– Егор, ты?

– Нет, это я, Василий.

– А где Егор?

– Утонул Егор, – и Василий вкратце рассказал старику о случившемся.

– Золота много вытащить успели? – спросил старик после продолжительной паузы.

– Два ящика. Я их там оставил.

– Ничего не поделаешь. Нелепая смерть, но с каждым из нас такое могло случиться. Знали, куда шли.

Смирившись с потерей Егора, разговора о нем больше не заводили.

– Переночуем здесь. Ночью нам болото с ящиками не одолеть, – сказал старик и, повернувшись на бок, снова улегся у костра.

Как только рассвело, сходили за ящиками и, распотрошив содержимое, рассовали по рюкзакам. Болото одолевали осторожно, не торопясь, отдыхая и подкрепляясь на островках до тех пор, пока не добрались до зимника, где, не разуваясь, прямо в сапогах повалились на топчаны, не проснулись даже от шума проливного дождя и встали, когда солнце уже поднялось высоко над горизонтом. А путь предстоял еще не близкий. Поэтому, быстро соорудив еду, основательно подкрепились и, не обращая внимания на боль в ногах и в спине, потопали дальше, пока не добрались наконец до хибары Бимбы.

Благодаря приготовленным стариком лечебным отварам Василий быстро восстановил силы и залечил мозоли. Пора было решить главный вопрос:

– Что с золотом будем делать, Бимба? – спросил он.

– Нас двое. Разделим на две части. Ты свою возьмешь и уйдешь, а я со своей останусь здесь, – рассудил старик.

– Закопать хочешь?

– Это мое дело. Позаботься о своей доле.

– Слушай. Есть у меня дома хорошие ювелиры, которые скупят и мое золото, и твое. Все равно выгоднее, чем я, ты не продашь, – предложил Василий Бимбе.

– Подумать надо. А не смоешься? – засомневался старик.

– А мы сделаем так. Сперва я увезу свою долю. Продам и тебе бабки привезу. Потом твою долю уж себе заберу.

– Дельное предложение, толково придумал, а когда бабки будешь отдавать, не порешишь меня? – заговорил старик.

– Это, если надо, и сейчас бы сделал. На мне ничьей крови нет. Я чист перед богом.

– Только вот что я буду делать с деньгами в лесу? Может, сразу и поможешь перебраться в Улан-Удэ?

– Заметано, старик. Помогу.

На другой день поезд умчал Василия к родному городу. Первым делом нужно было сплавить часть золота, чтобы выкупить у старика оставшееся. Бимбе много не надо. Он в тонкостях разбираться не станет. За сколько продал, сколько стоит грамм, его не заинтересует. Хватит денег жизнь наладить – и ладненько.

Заглянув в мастерскую, откуда он уехал, взяв дополнительный отпуск за свой счет, Василий стал собирать информацию у коллег, пока им не заинтересовался тогдашний зав. мастерской:

– Что, Василий, клад нашел? – пригласив к себе в кабинет, начал расспрашивать его Вячеслав Тихонович, мужчина уже в возрасте. – Садись, рассказывай, может, и помогу.

– Тут, понимаете, какое дело. Гостил я у дяди в Сибири.

– Ишь! Куда занесло! – перебил его со смехом зав. – Раньше туда в кандалах отправляли, а сейчас в гости едут. Извини, Василий, продолжай.

– Так вот, там один артельщик нашел золотишко, с пару килограммов, и очень попросил меня помочь.

– И ты отозвался? – сострил зав.

– За определенный интерес.

– Золотишко с тобой?

– Нет, но доставлю, как только договоримся.

– Хорошо, я переговорю, с кем надо. Да, и принеси кусочек, качество определить, без этого с ценой не решим.

Вячеслав Тихонович Зуев в своем деле был «профи» и имел колоссальные связи среди ювелиров всей страны. К нему, как к знатоку, иногда обращались даже чиновники высокого ранга, советуясь в определении ценности золотых изделий. Не отсутствовали знакомые и в кругах воровской элиты, время от времени подбрасывающие ему золотые слитки для дальнейшего превращения в дензнаки. От всех сделок он имел свой твердый процент, обеспечивающий ему безбедную жизнь. Набрав номер московского коллеги, Зуев вкратце объяснил ему суть дела. Тот, прикинув, что здесь солидно выгорит, согласился приехать сам. Куда он дальше переправлял золотишко, Вячеслава Тихоновича не интересовало, но можно было догадаться, что оно уплывало за кордон, минуя наши непроходимые границы. Как и условились, Василий принес для пробы кусочек золота, перекочевавший из кармана в рабочий стол шефа.

– Завтра придешь за ответом, – провожая его до двери, сказал «зав».

Московский гость приехал, как и обещал, вечером. После рукопожатий и краткого обмена приветствиями сразу принялись за камушек. При обследовании его у коллеги от волнения запотели очки.

– То, что надо, Слава, – не отрываясь от золота, по-дружески кивнул гость. – Сколько у тебя его?

– Два килограмма.

– Я возьму все.

На том и согласились, определившись в цене. Коллега уехал на своей белой «Волге», предупредив, что вернется завтра к вечеру за товаром. На другой день Василий, получив от Вячеслава Тихоновича одобрительное: «Неси все», отправился за спрятанным золотом, предупредительно заскочив к дружку и предупредив, чтобы часам к четырем тот сидел дома.

Гость приехал в назначенное время и с дипломатом в руках прошел в кабинет заведующего. Здесь его ожидали Зуев и Василий. Взвесив на аптечных весах камушки, ювелир из Москвы разложил их по полкилограмма в пакетики, открыл дипломат и вытащил заранее отсчитанные деньги. После проверки и пересчета денег гость переложил содержимое пакетов в дипломат и, попрощавшись, удалился. Вслед за ним, отсчитав «шефу» причитающийся процент, слинял и Василий. У входа в мастерскую его ожидал дружок, приглашенный на всякий случай и понятия не имевший, зачем он здесь должен маячить. Благополучно скинув таким образом два килограмма из шестнадцати, затолкав «бумажки» в рюкзак, собрав немногочисленный дорожный скарб, Василий снова отправился в Сибирь.

Бимба его ждал. Он знал, что рано или поздно парень появится, и появится с деньгами. Так и случилось. Одним ранним утром в хибару постучали.

– Отворяй ставни, Бимба, встречай путника.

Узнав знакомый голос, старик открыл дверь.

– Чего закрылся? – спросил Василий, проходя в избу.

– Приболел малость.

– А травки что, не помогают?

Старик не ответил.

– Я тут тебе гостинцев привез, цельный рюкзак, понимаешь.

Увидев высыпанные из рюкзака купюры, Бимба подбодрился.

– Уговор помнишь?

– Обижаешь, приятель.

– Тогда золото получишь потом, все равно с собой сейчас не потащишь.

– Я не против, – ответил Василий, не сомневаясь в честности старика.

Через два дня, продав козу в поселке, они выехали в Улан-Удэ, столицу Бурятии, где, устроив Бимбу на время в постоянный двор, Василий отправился собирать сведения о частных домах. Вскоре добротный деревянный дом со всеми коммуникациями был куплен и оформлен на имя Бимбы.

– Ну, что скажешь? – показывая владения хозяину дома, спросил Василий.

– Чего мне говорить, Василий? Я рад, что на старости лет помру на людях, а не в глухой тайге, где даже похоронить никто не сможет. Кроме Егора, меня там редко кто навещал, разве что заблудившийся охотник.

Вывалив на стол остальные деньги, Василий убрал рюкзак:

– Это все твое. Хватит на оставшуюся жизнь? – вопросительно взглянул он на старика.

– Золото закопано с левой стороны хибары посередине двора. Там топором я отметил на бревне, чтобы ты мог найти. Будешь в этих краях – заходи. Прощай, Василий. Удачи тебе.

– Прощай, старик, – и, захлопнув дверь, Василий пошел с пустым рюкзаком к железнодорожной станции.

С этого дня Василий круто изменил свою жизнь, задумал открыть подпольный нелегальный бизнес по изготовлению и сбыту ювелирных изделий. Для этого нужна была помощь и связи все того же Вячеслава Тихоновича Зуева. Пришлось открыть ему свои намерения.

– А где ты столько золота возьмешь, чтоб цех работал бесперебойно? Не лучше ли продать его так? – сказал Зуев.

– Нашлись поставщики. Они и надоумили открыть дельце, узнав, что я мастер ювелирных дел. Готовая продукция намного дороже выйдет.

– Дороже-то оно дороже. Да тут волокиты и риска больше. Ну да ладно, раз ты настаиваешь на этом, оборудованием и помещением я тебе помогу. Помогу и сбывать изделия. Вот только гарантировать безопасность со стороны властей, если те вдруг что-то приметят, не смогу. Да и наезды со стороны воров могут быть. Подпольных цеховиков они чувят издали. Вот все это и взвесь на досуге, а потом уж принимай решение.

– Я уже принял, – бойко отбарабанил Василий, не моргнув глазом.

– Тогда с богом!

Все, что обещал, Зуев сделал. Помещение выбили под сапожную мастерскую, где по штату исправно трудились четыре человека, сапожных дел мастера. Кроме комнат для легальной работы, была еще одна, попасть в которую можно было с заднего хода. Внутри в эту комнату можно было пройти только через кабинет Василия, где ему предоставили кресло заведующего. Дверь из кабинета прикрывалась платяным шкафом, легко отодвигающимся, на специальных роликах. Заведя под видом инвентаря в мастерскую оборудование со всеми причитающимися причиндалами, взяв к себе двух бывших, проверенных временем коллег из заведения Вячеслава Тихоновича, с его благословения, приступили к обработке и изготовлению золотых изделий высшей пробы. Первую партию Зуев по подложным документам сдал в одну из городских «ювелирок». Последующие стали уходить к московскому коллеге, успешному к этому времени подготовить, по всей вероятности, большой канал сбыта. Деньги потекли рекой. Половина выручки с оборота оседала в сейфе Василия в мастерской, якобы для расплаты за

золото, откуда постепенно перекачивалась на сберкнижки по сберкассам разных городов, а вторая делилась в равных долях между Зуевым и Василием за вычетом расходов.

Но все имеет конец. Тот день, о котором предупреждал Вячеслав Тихонович, настал через год. Один из каналов московского коллеги по продаже изделий накрылся. Постепенно разматывая клубок, московские «ищейки» добрались до источника изготовления незаконных изделий. Но долгие мытарства подследственного Василия Синицына по изоляторам временного содержания, сопровождаемые упорными допросами, ничего конкретного операм не дали. Поставщиков золота, как и выручку, снимаемую с оборота, разгадать не удалось, хотя это делал человек в одном лице, находящийся у них в руках. Тем не менее все получили по заслугам, включая Вячеслава Тихоновича, погибшего в последующем при невыясненных обстоятельствах в одном из лагерей Пермского края. Василий Синицын срок отбывал в Мордовии, влача обычную серую лагерную жизнь. Утром вставали, позавтракав, шли в рабочую зону, в сопровождении «вертухаев», где «ишачили» до обеда. На обед баланда. С обеда снова работа до вечера. После ужина час – два свободного безделья до отбоя. И так изо дня в день, пока приехавшие на свиданку родители не подмазали кого следует, в результате чего его перевели на работу в жилую зону «банщиком».

И все бы хорошо, да нашлась пара недоверчивых, заподозривших, что его перевод связан со стукачеством, и попытавшихся разобраться в этом самолично.

– Слышь, Синица, – обратился к Василию подошедший Селиван, назвав его так, как окрестили еще в подследственном изоляторе. – Тут есть у нас сомнение, что ты стучишь по-маленьку. Нехорошо это. Скажи, Клин, – подмигнул он своему корешу.

Оба они работали в жилой зоне: Селиван – завхозом, а Клин – здоровяк, весом под сто килограммов – при нем в роли коптерщика, по совместительству телохранителя.

– Что-то ты быстро теплое место накопил. Мужики в эти места годами пробиваются.

– Предлагаешь уступить? – огрызнулся Василий.

– Если не сможешь откупиться, то придется, – ухмыльнулся Селиван.

– Ничего тебе от меня не выпадет, зря карманы выворачиваешь.

– А ты, гляжу, остряк! Клин, поддай-ка ему для понятия.

До сих пор стоящий в стороне Клин стал с грозным видом наступать. Сообразив, что руками этого бугая не взять, Василий схватил стоящую деревянную лопату.

– Ого! – набычился Клин. – Меня этим не возьмешь.

Василий с размаху ударил его по голове, но подставленная левая рука отразила удар, правой же Клин схватил его за горло и, прижав к стене, стал давить. Удар ногой меж ног ослабил напор Клина, и он, мыча, отошел назад, остерегаясь следующего удара. Тогда наблюдавший за ними Селиван с разбегу врезался головой в живот Василия, от чего его снова отбросило к стене. Не дав ему опомниться, Селиван продолжал бить руками слева и справа до тех пор, пока сильнейший хук снизу не остановил его прыть. Но в это время очухавшийся Клин поднял Василия над головой и бросил его на землю, топчя ногами.

– Хватит! – крикнул кто-то из угла. Клин остановился.

– Ты что, Пустой? – заговорил Селиван, оборачиваясь к стоящему сзади. – Это же стукач.

– Имеешь веские доказательства?

– А с промзоны сняли его сюда просто так, что ли?

– Прежде чем что-то басить, Селиван, надо чердаком думать.

Закурив, Пустой присел около пытавшегося подняться Василия.

– А ты лихой, не струхнул. Свалите отсюда, этот парень отныне под моей защитой.

Селиван с Клином, ничего не ответив, исчезли за баней.

– Ну, поднимайся, поднимайся, здесь мамки нет, предстоит все делать самому.

Это был вор-законник по кличке Пустой, всегда подтянутый, отутюженный, держащий себя постоянно в хорошей физической форме, занимаясь около бани на специальном турнике,

сделанном по его заказу. Пустой был вором авторитетным, и слово, сказанное им, могло решить в зоне многое. Одним словом, Пустой был на равных с самим «Паханом».

– Откуда ты?

– С Горького, – вытирая кровь с губы, ответил Василий.

– Земляк мой, оказывается. За что чалишь?

– За рыжевье.

– Садись, – указал на лавочку Пустой. – В ногах правды нет. В самом деле стучишь, что ли?

– Что ты! Родня пригрела одного вертухая, тот и подсуетился.

– У нас сюда на примете стоял свой человек. Вертухая, видать, сильно подогрели, аж кум впрягся за тебя. Ну да ладно. Работай пока. Тебя больше никто не тронет.

– А за что мне такие привилегии?

– До нас слушок дошел с воли, а следом за ним и маляву прислали. Оказывается, во введенной мне территории, в Горьком, обнаружили подпольный цех, изготавливающий из рыжевья безделушки. Сечешь? Под моим носом! Целый год! Опера шустрее оказались, перехватили. Только вот откуда золотишко, никто не знает. Сечешь? Так вот, Синица, ребята мои, наострив уши, все разузнали, кто за кем стоит. И чуешь, что я на днях узнал?

– Что? – спросил Василий, не выдержав паузу.

– А то, что это некий Василий Синицын по кличке Синица, расстроивший меня до слез, сидит около меня, – и, бросив докуренную сигарету, Пустой плюнул сквозь зубы. – Сечешь?

Ответить Василию было нечего. Ему казалось, что этот человек со строгим взглядом, сидящий рядом с ним, заранее знает ответы на все вопросы.

– Ментам ты не сказал, откуда рыжевье, – продолжал Пустой, закуривая вторую сигарету. – Мне-то можешь это раскрыть. Ты с этим лопухом Зуевым связался, а надо было со мной. И сидел бы ты сейчас не здесь, а в своей мастерской, считая барыши. У меня, брат, все там схвачено. Никто никого не обижает лишний раз.

«Одному заново все не поднять, – размышлял Василий. – А это шанс».

Золота у него было еще навалом. Конечно, воры запросят большую долю, но и гарантию дадут большую. С ними или без них, они в любом случае вычислят его, как сейчас вот, а тогда, возможно, и всего лишат за непослушание. О золотишке, конечно, они, как и менты, ничего не знают, так же как и о сберкнижках. Точную информацию знает об этом только он, Василий. Это послужит козырем. Главное, все сразу не показывать, растягивая работу на года. Все покажешь – пиши пропало. Будут склонять сдавать оптом, как в одно время предлагал Зуев. Если откажешься, могут и порешить, за ними это не станет. Сейчас, выйдя отсюда, он везде будет на виду, у ментов и воров, до тех пор, пока те не удостоверятся, что в самом деле ничего нет и что сумма оборота слишком не зашкаливала, не превышала того, за что могли бы размозжить башку. Надо соглашаться. Лучшего варианта не найти.

– Ты прав, Пустой, – заговорил как на равных Василий. – Золотишко есть, еще и достаточно. Я могу поделиться. Но условия должны быть прежние. Работаем небольшими партиями. Устроит так?

– А много его у тебя?

– Я же сказал, достаточно, чтобы работать малыми партиями. И золото не у меня, источник доставки другой, – соврал Василий, остерегаясь «подлянки».

– Сидеть тебе, Синица, еще долго, но мы со своей стороны поднажмем, чтобы ускорить выход. На нас можешь положиться. Мы не фрэера. Слово мы умеем держать, – завершил Пустой, дав понять, что условия его приняты.

С тех пор в лагере Василия никто не дергал. Он влился, как и все здешние обитатели, в лагерную жизнь, не унывая, что годы пропадают зря. Работяга – он и на воле работяга. Здесь простые мужики живут беззаботно, не беспокоясь, что останутся без еды, пусть хоть и не при

деле. Государство их в обиду не даст – накормит, напоит, чем бог послал. На воле у мужика полно забот. Не заработал – сидишь без еды, на одной воде, и государству на это начхать. Девиз один: «Кто не работает, тот не ест». Вот и раскидывай мозгами, где лучше. Остается только добавить: «Там, где нас нет». Поэтому, чтобы выжить, надо постоянно крутиться и в зонах, и на воле.

Так и жил Василий в ожидании окончания срока, в лагерной суете, опутанный вокруг вертухаями да солдатами на вышке, готовыми за малейшую попытку показать видимость побега прострелить насквозь, чтобы заработать внеочередной отпуск.

Но вот настал день свободы. Свободы от постоянного мелькания зеков, от форменных одежд зоновских ментов, от еды из гнилых продуктов, которые пьяный завмаг забыл списать и, во избежание ответственности, договорившись с заместителем по тыловому обеспечению, загнал в зону. Конец мучениям! Теперь он будет действовать осторожно, как волк, вышедший на охоту. Тепло в душе разогревали припрятанные до его возвращения сберкнижки. Но был еще договор, заключенный еще в начале отсидки. Договор, благодаря которому он легко прошел лагерные страдания и издевательства, подстерегавшие на каждом шагу за неосторожно высказанное слово.

С поезда его встречали люди Пустого, освободившегося к этому времени и вернувшегося в свои владения. Переодевшись прямо в машине в более современный прикид, не заходя никуда, он был доставлен к законнику. Тот ждал его. Ждал потому, что этот человек мог принести немалую сумму денег для общака, казны воровской империи, создающейся годами, пополняясь взносами, тратившейся по мере надобности для подогрева тюрем и лагерей, подкупа должностных лиц, сидящих как на территории, вверенной ему, Пустому, так и за ее пределами. Пустой, став к тридцати четырем годам Смотрящим по городу, на дело уже не ходил. Его «работа» заключалась в контроле за всем происходящим в городе. Сборы дани с подпольных цеховиков, барыг и торгашей разного рода. Улаживание недоразумений, вспыхивающих в результате ссор между ворами, «наездов» залетных гастролеров на подконтрольных ему людей, а также налаживание новых связей в рядах «органов», чтобы иметь достоверные сведения о готовящихся облавах и операциях, в общем, все то, что входило в обязанности вора в законе, вора, живущего по понятиям, чтившего свое достоинство и вес в криминальном мире.

– Ну, с освобождением, Синица! – встретил недавнего арестанта Пустой. – Как доехал? Не уморило тебя?

– Вроде все цело, – ответил Василий, проходя за ним в другую комнату к ожидавшему их накрытому столу.

– Садись, угощайся, – разливая водку в граненые рюмки, моргнул Пустой. – Небось, соскучился по такому изобилию. Но ничего, ты свое еще отыграешь. Уговор-то наш не забыл?

– Как можно! – намазывая красную икру на кусок хлеба, ответил Василий. – С этим уговором, считай, я и в лагере-то выжил. Теперь по гроб жизни вам обязан.

– Но у тебя же есть, чем откупиться, – захохотал Пустой. – И ничем обязан не будешь.

– Нет, – отрезал Василий, – будем делать, как я просил.

– Пусть будет так, – согласился Пустой. – Мы со своей стороны поможем тебе. Помещение мы уже зафрахтовали. С ювелирной мастерской, которую я курирую, заведующий собрался на пенсию. Вот ты и заменишь «старика». Ювелиры там работают проверенные и не первый год, но в основном по мелочам, выполняя иногда наши заказы. Так что завезем соответствующее оборудование и начнем с божьей помощью.

Пустой не стал тратить время, полагая, что чем быстрее начнешь, тем быстрее пополнишь казну, и буквально через неделю Василий Николаевич Синицын руководил ювелирной мастерской, где параллельно с основной работой по ремонту и мелкой переплавке всяких побрякушек организовался подпольный цех по обработке и изготовлению золотых изделий высшей пробы. Сбыт наладили незамедлительно, и потекли деньги с оборота, половина из которых оседала

в воровской казне, а половина якобы возвращалась золотодобытчикам в качестве оплаты за золото, а фактически шла в карман Василия, который продолжал вкладывать деньги во вновь открываемые сберкнижки. Пустого, конечно, интересовало происхождение золота, но устраивать по этому поводу расследование он пока не стал, полагая, что Сеница все-таки ведет честную игру, и довольствуясь половинной долей приходящих с оборота денег.

Цех работал бесперебойно. За время трехлетнего существования ни один человек в форме, ни один человек из блатных кругов, а тем паче никто из залетных их не беспокоил. По истечении же третьего года, как и предполагал Василий, золотой запас в его кладовых иссяк.

– Канал, откуда я доставлял рыжевье, пуст, – сказал при очередной встрече с Пустым Василий. – Больше рассчитывать на поставку с той стороны нет резона.

– Может, твоих артельщиков, если они существуют на самом деле, перебросить на другие участки, где, возможно, они найдут то, что нас и их интересует?

– Они попробовали это сделать сами, но пока безрезультатно.

– Надо бы пригласить все-таки их к нам. На откровенный разговор.

– Не пойдут они на это. Они находят меня сами, когда что-то у них есть. А если я полезу к ним со своими предложениями, они поймут, что я связан с ворами, – и вовсе концы сбросят.

– Так, – сделав паузу, заговорил Пустой. – Тогда пока будем перебиваться тем, что есть. Цех закрывать полностью не будем. А ты работай, как и работал, заведующим. Наверное, скоро меня заметут на время. Мой человек из органов недавно «шепнул». Говорит, намечается основательная чистка. Что-то у них там не сошлось, и решили отыграться на мне. Надо же им показать работу. А вора в законе посадят, тут решение всех проблем, – и, помолчав, продолжил: – Я у него поинтересовался, так, невзначай, намеками, о тебе. Ты нигде и ни по каким делам не проходишь. Он даже постарается, чтобы твое предыдущее досье из архива «ментуры» убрали навсегда.

– К чему все это? – задал вопрос Василий.

– Я давно за тобой наблюдаю, Сеница. С тех пор, когда ты первый раз разозлил меня, работая под носом. Да ладно, кто старое помянет, тому глаз вон! Ты наш человек, хотя и не идейный. Думаешь, затею с артельщиками я не пронюхал? Тут ко мне год назад человек приехал. Так вот, он сидел в одном лагере с Зуевым, бывшим твоим «шефом» и поделником. Интереснейшую историю он поведал моему «корешу». Опасаясь дальнейшей огласки со стороны Зуева, ему устроили несчастный случай. Но, как видишь, я опередил их, перехватив тебя.

«Бедный Вячеслав Тихонович! – подумал Василий. – Не удержался я тогда от соблазна, рассказал ему о происхождении рыжевья. Просто захотелось с кем-то поделиться своими приключениями. Все рассказал, как было. Кто знал, что все так обернется? И зачем ему с кем-то еще захотелось пошептаться об этом? Стоп! Пустой сказал, весточку привез «кореш». Значит, Зуев раскрыл тайну вору, надеясь тем самым, что тот возьмет его под свое крыло, как в свое время его самого взял Пустой. Оплотшал Зуев, не имея в запасе ни единого «козыря». Рассказав тайну, он приговорил себя, что незамедлительно и было приведено в исполнение. Добраться до меня он мог и без Зуева. А Зуев даже понятия не имел, где спрятано рыжевье. Благо что «кореш» Пустого освободился всего год назад, а то, кто знает, мог и меня перехватить. Только узнав, что Пустой занялся мной вплотную, он не стал вмешиваться, все равно общее дело делают».

– Ты что, Сеница, в воспоминания ударился, не слушаешь меня совсем? – спросил Пустой.

– Да нет, просто смерть Зуева меня с понтальку сбила, – нашелся Василий, – он же моим наставником, можно сказать, был.

– В этом деле без потерь не бывает. Но я не об этом сейчас, – продолжил Пустой. – «Лавешки», которые ты срубил с этого дела, по праву твои, никто на них не претендует и не осуждает тебя за это. Но одному с этими «лавешками» тебе в нашей системе не продержаться,

если ты не собираешься держать их всю жизнь в сберкнижках, как Корейка из знаменитого фильма «Золотой теленок» держал их в чемодане в камерах хранения.

Василий промолчал.

– Как я уже сказал, – снова заговорил Пустой, – меня возьмут года на два, на три. Но, как всякого Смотрящего, меня беспокоит не отсидка, а общаковские «бабки». В чьих руках они останутся до моего возвращения? Недавно нашего «казначей» заметили в присвоении «лавешек» в крупных размерах, не «упредив» меня. Его пришлось наказать. И на месте «казначей», оказавшемся свободным, я бы хотел видеть тебя.

Василий молчал. Такого поворота событий он не ожидал. Предложение, сделанное Пустым, было для него более чем неожиданным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.